

Информация для цитирования:

Топеха Т. А. Роль воздействия правовой системы, как социального института, на рост деструктивных форм поведения среди молодежи // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 44. С. 209–237. DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-209-237.

Topekha T. A. Rol' vozdeystviya pravovoy sistemy, kak sotsial'nogo instituta, na rost destruktivnykh form p ovedeniya sredi molodezhi [Impact of the Legal System as a Social Institution on the Growth of Destructive Forms of Behavior Among Young People]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 2. Pp. 209–237. (In Russ.)4 DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-209-237.

УДК 316.4;316.47;343.9

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-209-237

**РОЛЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ,
КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА,
НА РОСТ ДЕСТРУКТИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ**

Т. А. Топеха

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы и конфликтологии

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1484-1674

Статья в БД «Scopus»: Topekha T., Bolshakova N., Fedotova V. Social Reality in the Light of Values // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6. Pp. 280–283.

E-mail: topeha@psu.ru

Поступила в редакцию 16.02.2019

Введение: в условиях современных геополитических реалий современного типа общества важен анализ ситуации, складывающейся вокруг правовой системы как института социального контроля соблюдения социальных норм. **Цель:** определить место и роль правовой системы относительно таких явлений, как рост деструктивных форм поведения среди молодежи и изменение парадигмы социальных норм. **Методы:** вторичный анализ данных официальной статистики (Росстата, Белстата, Eurostat, Statistisches Bundesamt) с помощью методов статистического анализа (сравнение, моделирование, анализ сопряженности и корреляционный анализ). **Результаты:** вторичный анализ официальных статистических данных разных стран показывает: при видимом снижении фиксируемой преступности несовершеннолетних стабильно растет преступность среди молодежи, которая едва переступила порог своего несовершеннолетия. Это с необходимостью требует выработки мер относительно правовой системы как института социального контроля и ее эффективного функционирования. **Выводы:** работу по оптимизации правовой системы, с целью повышения ее эффективности как института социального контроля, следует вести с учетом междисциплинарных, межведомственных и межуровневых основ. Основным принципом должна стать научность подходов к разработке стратегий, тактик и методов разрешения деструктивных ситуаций в обществе как социальной системе. К числу основных мер можно от-

© Топеха Т. А., 2019

Information for citation:

Topekha T. A. Rol' vozdeystviya pravovoy sistemy, kak sotsial'nogo instituta, na rost destruktivnykh form p ovedeniya sredi molodezhi [Impact of the Legal System as a Social Institution on the Growth of Destructive Forms of Behavior Among Young People]. Vestnik Permskogo universiteta. Juridicheskie nauki – Perm University Herald. Juridical Sciences. 2019. Issue 2. Pp. 209–237. (In Russ.)4 DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-209-237.

UDC 316.4;316.47;343.9

DOI: 10.17072/1995-4190-2019-44-209-237

**IMPACT OF THE LEGAL SYSTEM AS A SOCIAL INSTITUTE ON GROWTH
OF DESTRUCTIVE FORMS OF BEHAVIOR AMONG YOUNG PEOPLE**

T. A. Topekha

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0002-1484-1674

Article at DB “Scopus”: Topekha T., Bolshakova N., Fedotova V. Social Reality in the Light of Values // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016, Vol. 6. Pp. 280–283.

E-mail: topeha@psu.ru

Received 16.02.2019

Introduction: considering the current geopolitical situation and characteristics of the modern type of society, it is important to investigate the situation that is taking shape with regard to the legal system as an institution of social control over the compliance with social norms. **Purpose:** to define the place and role of the legal system in the growth of destructive forms of behavior among young people and in changes concerning the system of social norms. **Methods:** secondary analysis of official statistics (Rosstat, Belstat, Eurostat, Statistisches Bundesamt) using the methods of statistical analysis (comparison, modeling, conjugacy analysis and correlation analysis). **Results:** the secondary analysis of official statistical data from different countries shows rather a distressing and contradictory picture: along with a visible decrease in recorded juvenile delinquency, there is still a stable situation with crime among people who have just left the ranks of minors. This highlights the need not only to discuss the problem but also to develop actions regarding the legal system as an institution of social control and its effective functioning. **Conclusions:** optimization of the legal system aimed at increasing its effectiveness as a social control institution should be conducted on the interdisciplinary, interdepartmental and inter-level basis. It is a scientific approach that should be taken as a fundamental principle in developing strategies, tactics and methods to resolve destructive situations in the society as a social system. The main actions should include: establishing a systematic interdisciplinary monitoring of the situation in the society regarding the nature of the deviations manifested; predicting and modeling possible directions for changing the situation; developing legal documents of different levels that could eliminate the contradictions arising in functioning of the legal and social system as a whole; optimizing resources for effective confronting destructiveness in the modern world.

Keywords: delinquency; deviant behavior; destructive forms of behavior; social system; legal system; social norm; social institution; social control; youth

© Topekha T. A., 2019

нести: системный мониторинг на междисциплинарной основе ситуации в обществе относительно характера проявляемых девиаций; прогнозирование и моделирование возможных направлений изменения ситуации; разработку нормативно-правовых документов разного уровня, которые могли бы снять возникающие противоречия в функционировании правовой и социальной системы в целом; оптимизацию ресурсов для эффективного противостояния нарастающей деструктивности в современном мире.

Ключевые слова: правонарушения; девиантное поведение; деструктивные формы поведения; социальная система; правовая система; социальная норма; социальный институт; социальный контроль; молодежь

IMPACT OF THE LEGAL SYSTEM AS A SOCIAL INSTITUTE ON GROWTH OF DESTRUCTIVE FORMS OF BEHAVIOR AMONG YOUNG PEOPLE

T. A. Topekha

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, Russia, 614990

ORCID: 0000-0002-1484-1674

Article at DB "Scopus": Topekha T., Bolshakova N., Fedotova V. Social Reality in the Light of Values // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016, Vol. 6. Pp. 280–283.

E-mail: topeha@psu.ru

Received 16.02.2019

Introduction: considering the current geopolitical situation and characteristics of the modern type of society, it is important to investigate the situation that is taking shape with regard to the legal system as an institution of social control over the compliance with social norms. **Purpose:** to define the place and role of the legal system in the growth of destructive forms of behavior among young people and in changes concerning the system of social norms. **Methods:** secondary analysis of official statistics (Rosstat, Belstat, Eurostat, Statistisches Bundesamt) using the methods of statistical analysis (comparison, modeling, conjugacy analysis and correlation analysis). **Results:** the secondary analysis of official statistical data from different countries shows rather a distressing and contradictory picture: along with a visible decrease in recorded juvenile delinquency, there is still a stable situation with crime among people who have just left the ranks of minors. This highlights the need not only to discuss the problem but also to develop actions regarding the legal system as an institution of social control and its effective functioning. **Conclusions:** optimization of the legal system aimed at increasing its effectiveness as a social control institution should be conducted on the interdisciplinary, interdepartmental and inter-level basis. It is a scientific approach that should be taken as a fundamental principle in developing strategies, tactics and methods to resolve destructive situations in the society as a social system. The main actions should include: establishing a systematic interdisciplinary monitoring of the situation in the society regarding the nature of the deviations manifested; predicting and modeling possible directions for changing the situation; developing legal documents of different levels that could eliminate the contradictions arising in functioning of the legal and social system as a whole; optimizing resources for effective confronting destructiveness in the modern world.

Keywords: delinquency; deviant behavior; destructive forms of behavior; social system; legal system; social norm; social institution; social control; youth

РОЛЬ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ, КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА, НА РОСТ ДЕСТРУКТИВНЫХ ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

T. A. Topekha

Кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной работы и конфликтологии

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

ORCID: 0000-0002-1484-1674

Статья в БД «Scopus»: Topekha T., Bolshakova N., Fedotova V. Social Reality in the Light of Values // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6. Pp. 280–283.

E-mail: topeha@psu.ru

Поступила в редакцию 16.02.2019

Введение: в условиях современных геополитических реалий современного типа общества важен анализ ситуации, складывающейся вокруг правовой системы как института социального контроля соблюдения социальных норм. **Цель:** определить место и роль правовой системы относительно таких явлений, как рост деструктивных форм поведения среди молодежи и изменение парадигмы социальных норм. **Методы:** вторичный анализ данных официальной статистики (Росстата, Белстата, Eurostat, Statistisches Bundesamt) с помощью методов статистического анализа (сравнение, моделирование, анализ сопряженности и корреляционный анализ). **Результаты:** вторичный анализ официальных статистических данных разных стран показывает: при видимом снижении фиксируемой преступности несовершеннолетних стабильно растет преступность среди молодежи, которая едва переступила порог своего несовершеннолетия. Это с необходимостью требует выработки мер относительно правовой системы как института социального контроля и ее эффективного функционирования. **Выводы:** работу по оптимизации правовой системы, с целью повышения ее эффективности как института социального контроля, следует вести с учетом междисциплинарных, межведомственных и межуровневых основ. Основным принципом должна стать научность подходов к разработке стратегий, тактик и методов разрешения деструктивных ситуаций в обществе как социальной системе. К числу основных мер можно отнести: системный мониторинг на междисциплинарной основе ситуации в обществе относительно характера проявляемых девиаций; прогнозирование и моделирование возможных направлений изменения ситуации; разработку нормативно-правовых документов разного уровня, которые могли бы снять возникающие противоречия в функционировании правовой и социальной системы в целом; оптимизацию ресурсов для эффективного противостояния нарастающей деструктивности в современном мире.

Ключевые слова: правонарушения; девиантное поведение; деструктивные формы поведения; социальная система; правовая система; социальная норма; социальный институт; социальный контроль; молодежь

Введение

В современном мире, характеризующемся такими векторами трансформации и развития социальной системы, как смена общественно-политического, экономического строя общества, смена типа общества, все сильнее заявляет о себе социальная группа молодежи, оказывающаяся в авангарде трансформационных процессов, которые могут идти слишком быстро и жестко. Вследствие этого общество начинает испытывать шоковые потрясения, которые связаны с дестабилизацией социальной системы и движением к ее разрушению, в случае если критическая масса деструктивного поведения наиболее активной группы молодежи превысит допустимый предел. К тому же разнополярные и разнонаправленные модели социального поведения начинают восприниматься как раздвоение, множественность нормативной оси в поведении населения, и особенно той части, которая ответственна за передачу социального опыта следующим поколениям. В условиях роста деструктивных социальных феноменов разного характера (суициды; террористические акты; экстремистские движения и др.) важно проанализировать ситуацию, складывающуюся вокруг и внутри правовой системы как социального института. Данный социальный институт, с одной стороны, осуществляет контроль соблюдения социальных норм и, соответственно, стабильности общества как системы, а с другой – своими действиями или бездействием способен вносить изменения в систему социальных норм конкретного общества. Так, нормативно-правовой акт сам по себе не обеспечивает влияния на социальную ситуацию и социальную систему, а говорит только о взглядах (нормативно-правовых осях), характерных для того социального слоя, который должен передавать социальный опыт и следить за его сохранностью в следующих поколениях. При этом судебная практика, в свете применения или не применения существующих нормативно-правовых актов, позволяет говорить об активном воздействии на социальную систему и характере ее дальнейшего развития (устойчивости или дестабилизации). Это связано с тем, что нормативно-правовой акт, который не ис-

пользуется по своему назначению, ставит под сомнение и те социальные нормы, которые он призван охранять. И наоборот, применение в судебной практике нормативно-правовых актов подтверждает наличие социальных норм, важных для общества как социальной системы. Именно поэтому мы обратимся к анализу деструктивных форм поведения молодежи для установления того, насколько правовая система способна и готова исполнять свои основные функции как социальный институт.

**Теоретические подходы
исследования социальной системы
в условиях трансформации**

Состояние социальной системы, в частности ее устойчивость и возможность полноценно функционировать и развиваться, напрямую связано с распространенными в ней моделями и формами поведения. Так, еще Э. Дюркгейм отмечал взаимосвязь между состоянием общества и девиантными формами поведения: «... преступность является одним из факторов общественного здоровья, неотъемлемой частью всех здоровых обществ. ... Преступление заключается в совершении деяния, наносящего ущерб очень сильным коллективным чувствам. ... для того чтобы коллективные чувства, охраняемые уголовными законами нации ... овладели общественным сознанием ... они должны стать более интенсивными, чем это было раньше. ... Для того чтобы исчезли убийства, отвращение к пролитию крови должно стать большим в тех социальных слоях, из которых рекрутируются убийцы; однако прежде всего это отвращение должно с новой силой охватить все общество в целом» [3, с. 40].

Вместе с тем Дюркгейм рассматривал проблему не только на макроуровне (в ракурсе с социальной системы), он полагал, что для противостояния преступности важно перейти на микроуровень исследования (уровень личности, актора, социальной группы). Именно на микроуровне создается макросоциальная реальность, на уровне индивидуального восприятия, осознания и преобразования окружающей естественной (природной) и социальной реальности. «Моральное сознание общества должно быть в целостном виде воплощено в индивидуальном сознании всех его членов и обладать силой воз-

Introduction

In the modern world, characterized by such vectors of transformation and development of the social system as changes in the sociopolitical, economic structure of society, as well as in the type of society itself, the social group of young people is becoming increasingly pronounced in the vanguard of these transformational processes, which can develop too fast and dramatically. As a result, society begins to experience shocks associated with destabilization of the social system and movement towards its destruction in case if the critical mass of destructive behavior of the most active group, the youth, exceeds the permissible limit. Moreover, multi-polar and multidirectional models of social behavior are beginning to be perceived as a split, a plurality of the normative axis in the behavior of population, and especially the people who are responsible for transferring social experience to the next generations. With growth of destructive social phenomena of different types (suicides; terrorist acts; extremist movements, etc.), it is important to analyze the situation around and within the legal system as a social institution. This social institution, on the one hand, controls observance of social norms and, accordingly, stability of society as a system, and on the other hand, by its actions or inactivity, it can make changes in the system of social norms of a particular society. Thus, the presence of a regulatory legal act does not itself create impact on the social situation and social system but speaks only of the views (normative legal axis) characteristic of that social stratum, which should transmit social experience and monitor its safety in the following generations. At the same time, judicial practice, in the light of application or non-application of existing legal acts, enables us to talk about the active impact on the social system and the nature of its further development (stability or destabilization). This is due to the fact that the presence of a legal act, which is not used for its intended purpose, puts not only this

act into question but also those social norms that this act is intended to protect. Conversely, application of legal acts in judicial practice demonstrate social norms that are important for society as a social system. That is why in this article we try to analyze destructive forms of the young people's behavior, as well as the degree of ability and readiness of the legal system to perform its basic functions as a social institution.

**Theoretical Approaches
to Studying the Social System
in the Conditions of Transformation**

The state of the social system, in particular its stability and ability to fully function and develop, is directly related to the models and behaviors common in it. For example, E. Durkheim noted the relationship between the state of society and deviant behaviors: '... Crime is one of the factors of public health, an integral part of all healthy societies... Crime is commitment of an act detrimental to very strong collective feelings. ... In order for the collective feelings to be protected by the laws of the nation... they must become more intense than they were before. ... In order for murders to disappear, the aversion to the shedding of blood must become larger in those social strata from which murderers are recruited; however, first of all, this aversion should embrace the whole society with a new force' [3, p. 40].

Along with this, Durkheim considered the problem not only at the macro level (from the social point of view), he believed that to counter crime, it was important to switch to the micro level of research (the level of personality, actor, social group). It is at the micro level that macrosocial reality is created, at the level of individual perception, awareness and transformation of the surrounding natural and social reality. 'The moral consciousness of society must be fully embodied in individual consciousness of all its members and possess a force of influence

действия, достаточной для того, чтобы предотвратить любые посягающие на него деяния, – как малозначительные нарушения, так и преступления» [3, с. 42].

И это логично, если рассматривать феномен функционирования социальной системы в плоскости теоретического моделирования, но в действительности эти два уровня неразрывны, функционируют в целостном единстве. Они испытывают на себе влияние множества факторов, поэтому «универсальное и абсолютное единообразие совершенно невозможно... не может быть общества, в котором индивидуумы не отличались бы ... от среднего коллективного типа, поскольку неизбежно, что среди такого рода отклонений существуют и отклонения преступного характера. Такой характер они приобретают не в силу каких-либо внутренне присущих данному деянию качеств, а в связи с определением, которое дает этому деянию коллективное сознание. Если общественное сознание становится сильнее, если оно обладает достаточным авторитетом, чтобы подавить эти отклонения, оно само становится вместе с тем более чувствительным, более взыскательным... сегодня невозможно более оспаривать тот факт, что право и мораль изменяются с переходом общества от одного социального типа к другому, ни тот факт, что они эволюционируют в пределах общества одного и того же типа, если подвергаются изменениям условия жизни этого общества. Однако, для того чтобы эти трансформации были возможны, коллективные чувства, составляющие основу морали, не должны быть враждебными переменам и, следовательно, должны обладать умеренной силой воздействия. Если они будут слишком сильны, они потеряют гибкость. Каждая установившаяся система является препятствием для развития новой системы в той степени, в какой установившаяся система лишена гибкости. Чем более совершенна структура, тем больше проявляет она здорового сопротивления любым переменам; и это в одинаковой степени верно в отношении как внутренней, так и функциональной организации. Если бы не было преступности, это условие не могло бы быть выполнено, ибо такого рода гипотеза предполагает, что интенсивность коллективных чувств возросла до уровня, не имеющего примера в истории. Ничто не может

быть хорошим безгранично и бесконечно. Сила воздействия морального сознания не должна быть чрезмерной, в противном случае никто не осмелится критиковать его и оно легко примет застывшую форму. Чтобы был возможен прогресс, индивидуальность должна иметь возможность выразить себя. Чтобы получила возможность выражения индивидуальность идеалиста, чьи мечты опережают время, необходимо, чтобы существовала и возможность выражения индивидуальности преступника, стоящего ниже уровня современного ему типа общества. Одно немислимо без другого» [3, с. 42–43].

Эти слова Э. Дюркгейма как нельзя более точно описывают современное состояние и функционирование социальной системы. Так, в условиях самобалансирования социальная система, пришедшая в состояние неустойчивости, в определенный момент времени (в условиях традиционного общества) способна возвращать себе состояние равновесия и стабильного функционирования, за счет выбора «новой» системы координат для своего существования (а может быть, и делая выбор прежних социальных норм, которым следует большинство). Но практика показывает, что некоторые общества не выдерживают этого испытания и исчезают, по-видимому, вследствие невозможности для системы найти точку равновесия. Поэтому возникает вопрос: какова роль в этом процессе поиска точки равновесия соответствующих конструктивных / деструктивных моделей поведения, поскольку вероятнее всего предположить, что именно накопление критичной массы деструктивности в обществе запускает механизм противостояния, когда сами люди под влиянием инстинкта самосохранения начинают формировать «новые» правила и нормы жизни, которые бы позволили им адаптироваться. А для приспособления к условиям (и особенно новым) требуется стабильность, предсказуемость «функционирования» этих самых условий, а также развития.

Это состояние общества, связанное с отсутствием разделяемых большинством социальным норм и правил, Э. Дюркгейм обозначил как аномию. Однако Sebastian de Grazia уточняет, что в современных условиях необходимо выделять два вида аномии: «простую» и «острую» [11, pp. 71, 73].

sufficient to prevent any acts encroaching on it, both minor violations and crimes' [3, p. 42].

This seems logical if we consider functioning of the social system in terms of theoretical modeling, but in reality these two levels are inseparable and function in a holistic unity. They are influenced by many factors, so 'universal and absolute uniformity is absolutely impossible... there can be no society in which individuals would not differ ... from the average collective type, since it is inevitable that deviations of a criminal nature exist among such deviations. They acquire such a character not by virtue of any qualities intrinsic to the act but in connection with the definition that gives the act collective consciousness. If public consciousness becomes stronger, if it has sufficient authority to suppress these deviations, it becomes at the same time more sensitive, more demanding ... today it is no longer possible to dispute the fact that law and morality change with transition of society from one social type to another nor the fact that they evolve within a society of the same type if the living conditions of that society change. However, in order for these transformations to be possible, the collective feelings that form the basis of morality should not be hostile to change and, therefore, should have a moderate impact force. If they are too strong, they will lose their flexibility. Each established system is an obstacle to development of a new system to the extent that the established system is devoid of flexibility. The more perfect is the structure, the more it displays a healthy resistance to any change; and this is equally true of both internal and functional organization. If there were no crime, this condition could not be fulfilled, because this kind of hypothesis suggests that the intensity of collective feelings has increased to a level that has no example in history. Nothing can be good endlessly and infinitely. The strength of the moral consciousness should not be excessive, otherwise no one would dare to criticize

it and it will easily take a frozen form. For progress to be possible, individuality must be able to express itself. In order to be able to express the individuality of an idealist, whose dreams are ahead of time, it is necessary that there also exists a possibility of expressing the criminal's individuality who is below the level of the contemporary type of society. One is not conceivable without the other' [3, pp. 42–43].

These words of E. Durkheim are quite accurate and relevant while describing the current state and functioning of the social system. So, under conditions of self-balancing, a social system that has come into the state of instability, at some point in time (in a traditional society) is able to regain the state of equilibrium and stable functioning due to the choice of a 'new' coordinate system for its existence (some new, or maybe making a choice of the former social norms that the majority shares). However, practice proves that some societies do not withstand this test and disappear, apparently due to inability of the system to find the balance point. Therefore, the question is: what is the role of the corresponding constructive/destructive behavioral models in this process of finding the equilibrium point, since it is most likely to assume that it is accumulation of the critical mass of destructiveness in the society that triggers confrontation when people themselves, under the influence of self-preservation instinct, begin to form 'new' rules and standards of life that would allow them to adapt. At the same time, to adjust to the conditions (especially new ones), stability and predictability of these very conditions, their operation progress and development are required.

The state of society associated with absence of social norms and rules shared by the majority was designated by E. Durkheim as anomie. However, Sebastian de Grazia clarifies that in modern conditions it is necessary to distinguish two types of anomie – 'simple' and 'acute' [11, pp. 71, 73].

По мнению Sebastian de Grazia, состояние простой аномии от острой отличается, прежде всего, степенью напряженности, накала в конфликте ценностных систем. Вследствие этого состояние простой аномии более безопасно – оно имеет больше шансов благополучного преодоления в результате правильной организации эффективной коммуникации, и прежде всего политической, т. е. согласующей системы ценностей разных субъектов.

Что касается общества в состоянии острой аномии, то здесь намного выше риски дезорганизации социальной системы вследствие того, что большинство отказывается придерживаться имеющейся системы ценностей либо только тех ценностных ориентиров, которые подходят «здесь и сейчас», в результате мы сталкиваемся с феноменом «вавилонской башни». Утрата взаимопонимания и взаимоориентированности в повседневной жизни, с возвеличиванием и оправданием себя при любых обстоятельствах, приводит к сбою в функционировании сложного механизма социальной системы. В этих условиях велик риск того, что сам дезинтегрированный механизм себя и уничтожит.

Именно поэтому мы сталкиваемся с необходимостью вести речь не только об абстрактном обществе и социальной системе, а о вполне реальных людях и общностях, которые оказываются в новых условиях, к которым они еще не адаптировались, хотя имеют некие собственные индивидуальные цели, позиции.

Р. Мертон в работе «Социальная теория и социальная структура» анализирует взаимосвязь между социальной структурой и характером поведения, в частности девиантным поведением. Он считал, что в большей мере эта связь проявляется в законных целях, намерениях и интересах (одобряемых и требуемых обществом) и применяемых способах их достижения; «...говоря, что культурные цели и институционализованные нормы сообща придают форму существующим практикам, мы во все не имеем в виду, что их связывают друг с другом неизменные отношения. Культурное акцентирование определенных целей изменяется независимо от степени акцентирования институционализованных средств. Может возникнуть очень мощное, временами даже исключительное, превознесение ценности каких-то особых целей, соединенное со сравнительным

отсутствием заботы об институционализованных средствах их достижения. В предельном случае масштабы распространения альтернативных процедур определяются исключительно техническими, но не институциональными нормами. В этом гипотетическом крайнем случае становятся дозволенными все и любые процедуры, обещающие достижение всезначущих целей. Это один из типов плохо интегрированной культуры. Другой крайний случай обнаруживается в группах, в которых деятельности, первоначально задуманные как средства, превращаются в самодостаточные практики, не преследующие никаких последующих целей» [4, с. 246].

Итак, Р. Мертон отмечает [4, с. 246–254, 267], что гипертрофированное превознесение отдельных целей, ради достижения которых можно оправдать любые действия и средства, а также, когда деятельность, задуманная как средство, становится «самодостаточной практикой» – деятельность ради деятельности является нам пример «плохо интегрированной культуры», которая способствует росту отклоняющегося (девиантного) поведения. Равновесие между целями и средствами их достижения возможно, если только люди получают удовлетворение от процесса следования им. В нашем мире нет ни одного общества, жизнь в котором бы не структурировалась нормами.

«Однако общества отличаются друг от друга тем, насколько эффективно народные обычаи, нравы и институциональные требования интегрированы с целями, занимающими высокое положение в иерархии культурных ценностей. Иногда культура может подталкивать индивидов к сосредоточению их эмоциональных убеждений на комплексе превозносимых культурой целей, но при гораздо меньшей эмоциональной поддержке предписанных способов продвижения к этим целям. При таком различии в акцентировании целей и институциональных процедур последние могут быть настолько ослаблены превознесением целей, что поведение многих индивидов будет полностью ограничиваться соображениями технической целесообразности. ...Наиболее эффективной в техническом плане процедуре – вне зависимости от того, узаконена она культурой или нет, – как правило, начинают отдавать предпочтение перед институционально предписанным поведением. По мере продолжающегося

According to Sebastian de Grazia, the state of simple anomie differs from acute, first of all, by the degree of tension, the intensity in the conflict of value systems. Consequently, the state of simple anomie is more secure – it has a higher chance of successful overcoming, as a result of proper organization of effective communication and, above all, politically, i.e. matching value system of different subjects.

As for the society in the state of acute anomie, there is a much higher risk of disorganization of the social system due to the fact that the majority refuses to adhere to the existing value system or to follow only those values that suit ‘here and now’, as a result we are faced with the phenomenon ‘The Tower of Babel’. The loss of mutual understanding and mutual orientation in everyday life, with exalting and justifying oneself under any circumstances leads to a failure in functioning of the harmonious mechanism of the social system. Under these conditions, there is a great risk that the disintegrated mechanism will destroy itself.

That is why we are faced with the need to talk not only about an abstract society and social system but about very real people and communities that find themselves in new conditions to which they are not yet adapted, although they have some personal goals and positions of their own.

R. Merton in his work *Social Theory and Social Structure* analyzes the relationship between social structure and the nature of behavior, in particular deviant behavior. He believed that this connection is manifested to a greater extent in legitimate goals, intentions and interests (approved and demanded by society) and applied methods of achieving them, ‘... saying that cultural goals and institutionalized norms together give form to the existing practices, we do not have in mind that they are bound to one another by unchanging relationships. Cultural emphasis on certain goals changes regardless of the degree of emphasis on institutionalized means. There can be a very powerful, sometimes even exceptional, exaltation of the val-

ue of some special goals, coupled with a comparative lack of concern for institutionalized means of achieving them. In the extreme case, the scale of distribution of alternative procedures is determined solely by technical but not institutional norms. In this hypothetical extreme case, all and any procedures that promise the attainment of all-important goals become permissible. This is one type of poorly integrated culture. The other extreme case is found in groups in which activities originally conceived as means turn into self-sufficient practices that do not pursue any subsequent goals.’ [4, p. 246].

So, Robert Merton notes [4, pp. 246-254, 267] that exaggerated exaltation of the individual objectives for achieving which it is possible to justify any actions and agents, as well as when activities conceived as a means become ‘self-sustaining practices’ – activity for the sake of activity, provides us with an example of a ‘poorly integrated culture’ that contributes to growth of deviant behavior. The balance between goals and the means to achieve them is only possible if people get satisfaction from the process of following them. In our world there is not a single society life in which would not be structured by norms.

‘However, societies differ from each other in the way folk customs, morals, and institutional requirements are integrated with goals occupying a high position in the hierarchy of cultural values. Sometimes culture can push individuals to focus their emotional convictions on a set of culturally exalted goals but with much less emotional support for prescribed ways of advancing towards these goals. With such a difference in emphasizing goals and institutional procedures, the latter can be so weakened by the exaltation of goals that the behavior of many individuals will be completely limited by considerations of technical expediency.... As a rule, they begin to give preference to the most technically efficient procedure – regardless of whether it is legalized by culture or not – to institutionalized behavior.

размывания институциональных норм общество становится нестабильным, и в нем, появляется то, что Дюркгейм назвал “аномией” (или безнормностью)» [4, с. 248].

Однако общество не принимает с легкостью отречение от его ценностей. Поступить так значило бы поставить эти ценности под сомнение. Одним из выделяемых Мертоном способов приспособления к социальным условиям является инновация. Тяготение к инновационным практикам, по его мнению, свойственно тем, кто не был, как следует, социализирован, и именно это позволяет им отказываться от институциональных средств достижения желаемых целей и искать более подходящие для сложившейся ситуации.

Другим типом приспособления является ретритизм – попытка адаптироваться к изменяющимся социальным условиям через отказ от институциональных ценностей и средств. Люди, склонные к ретристскому типу приспособления к изменяющимся социальным условиям, тяготеют к точкам силы, которые собирают людей с подобными взглядами, где они могут вступать во взаимодействие с другими девиантами и даже доходить до участия в субкультуре этих девиантных групп. Данный тип приспособления к социальным изменениям способствует обособлению людей от основного общества, их адаптация является преимущественно частными и обособленными практиками, а не объединяющими под эгидой нового культурного кода.

Вместе с тем Р. Мертон полагал, что отвержение культурных целей и институциональных средств их достижения встречается, вероятно, наиболее редко. Люди, которые приспособились таким образом, строго говоря, находятся в обществе, но при этом ему не принадлежат. В социологическом смысле они поистине являются в нем чужими актерами. Поскольку они не разделяют общую структуру ценностей, их можно отнести к числу членов общества (в отличие от отнесения к населению) чисто фиктивно, формально.

Мертон полагает, что этот тип приспособления связан с двойным конфликтом: «Усвоенное моральное обязательство применять только институциональные средства вступает в конфликт с внешними давлениями, побуждающими прибегнуть к противозаконным средствам

(позволяющим достичь цели), и индивид оказывается отрезанным от средств, которые одновременно и законны, и эффективны. ... Пораженческие настроения, пассивность и смирение находят выражение в механизмах бегства, которые в конечном счете приводят индивида к “бегству” от требований общества...

... “беглец” является непроизводительным балластом ... “беглецу” нет почти никакого дела до институциональных практик» [4, с. 272–273].

Однако и мятеж, как тип приспособления, не позволяет в полной мере интегрироваться в социальную систему. По Р. Мертоу, этот тип адаптации присущ членам высшего сословия, которые стремятся выйти за пределы окружающей их социальной структуры и пытаются создать новую социальную структуру. Р. Мертон полагает, что этот тип приспособления основывается на отчуждении от господствующих целей и стандартов, которые подвергаются модифицированию и становятся более вариативными.

Именно эти типы адаптации, дезинтегрирующие социальную систему, мы наиболее явно видим в современном обществе, причем не в обществе, локализованном территорией государства, а в глобальном обществе, вне государственных границ, культуры, политического строя, экономического положения.

Девиантность и деструктивность

Прежде чем переходить к существу рассматриваемого феномена, следует остановиться на категориальном аппарате, который и сам способен выступать в роли дестабилизирующего фактора, в случае если он достаточно размыт и понимается неоднозначно [8; 20].

В первую очередь хотелось бы определиться в понятиях «девиация» и «девиантное поведение», которые часто используются, как в теоретических работах, так и в обиходе практиков.

Понятие «девиация» достаточно широкое и означает отклонение от некоей нормы, в буквальном смысле – отклонение от должного направления. Оно применяется к довольно широкому кругу явлений в разных областях, в том числе и общественных науках. Употребление понятия «девиация» для обозначения негативного, патологического отклонения от нормы некорректно, поскольку отклонение от некоей условной линии может происходить в равной

As the institutional norms continue to erode, society becomes unstable, and there appears what Durkheim called ‘anomie’ (or lack of norm) [4, p. 248].

Nevertheless, society does not easily accept rejection of its values. To do so would be to put these values into question. One of the allocated by Merton ways of adapting to social conditions is innovation. In his opinion, it is peculiar to those people who were not properly socialized, and this allows them to abandon the institutional means of achieving the desired goals and look for more suitable ones in the situation.

Another type of adaptation is retreatism – an attempt to adapt to changing social conditions through abandonment of institutional values and means. People who are prone to the retreat type of adaptation to changing social conditions strive for power points that gather people with similar views. There they can interact with other deviants and even come to participate in the subculture of these deviant groups. This type of adaptation to social changes contributes to separation of people from the mainstream society. Their adaptation is mainly private and separate practices, and not uniting under the auspices of the new cultural code.

At the same time, Merton believed that rejection of cultural goals and institutional means to achieve those is rare to occur. People who have adapted in this way, strictly speaking, are in society, but they do not belong to it. In a sociological aspect, they are truly alien actors in it. Since they do not share the general values, they can be attributed to the members of society (as opposed to attribution to the population) in a purely fictitious, formal way.

Merton believes that this type of adaptation is associated with a double conflict, ‘the assimilated moral obligation to use only institutional means comes into conflict with external pressures to resort to illegal means (to achieve the goal),’ and the individual is cut off from means that are both legitimate and effective. ... Defeatist moods, passivity, and humility are expressed in the mechan-

isms of escape, which ultimately lead the individual to ‘escape’ from the demands of society. ... ‘escapee’ is an unproductive ballast ... ‘escapee’ almost does not care about institutional practices’ [4, pp. 272–273].

However, rebellion, as a type of adaptation does not allow one to fully integrate into the social system. According to Merton, this type of adaptation is inherent in the members of the upper class, who seek to go beyond the social structure surrounding them and try to create a new social structure. Merton believes that this type of adaptation is based on estrangement from the dominant goals and standards which are modified and become more variable.

They are these types of adaptation, disintegrating the social system that are clearly seen in the modern society. It is not the society localized by the state’s territory but the global society, beyond state borders, culture, political system, and economic status.

Deviation and Destructivity

Before proceeding to the features of this phenomenon, we should consider the categorical apparatus that is able to act as a destabilizing factor if it is vague enough and understood ambiguously [8, p. 20].

First of all, it is necessary to clear out the concepts of deviation and deviant behavior, which are often used both in theoretical works and in everyday life of practitioners.

The concept of ‘deviation’ is quite broad and means a deviation from a certain norm, in the literal sense it means a deviation from the proper direction. It is applied to a fairly wide range of phenomena in various fields, including social sciences. Using the notion of deviation to denote a negative, pathological deviation from the norm is not correct, since deviation from a certain conditional line can occur equally

мере в обе стороны. Поэтому применение категории «девиация» уместно лишь для обозначения феномена смещения, но без указания его полярности.

Для обозначения видимых проявлений, в нашем случае – в поведении, корректно использовать категорию «девиантное поведение», которое может отражать в том числе и девиантность социального субъекта.

В научной литературе и социальной практике категория «девиантное поведение» широко распространено и понимается в достаточно узком аспекте – как поведение, которое отклоняется от социальной нормы и связано с нарушением существующих социальных норм и правил, например правонарушения, преступность, алкоголизм, наркомания и др. Однако оно нередко редуцируется до обозначения противоправного поведения. Такой подход вызывает массу вопросов и проблем в ходе организации социального контроля, поскольку наблюдается двойственность и даже неоднозначность как в интерпретации, так и применении данной категории при изучении конкретных случаев.

Порой крайне сложно отделить позитивную и негативную девиацию. Что должно выступать мерилем? Эта проблема актуальна была как во время Дюркгейма, который, с одной стороны, рассматривал преступления в качестве нормы, а с другой – при изучении суицидов говорил об отклонении от нормы, так и для современного обществознания.

Если провести математическое моделирование [15, pp. 5–116], проверяющее вероятность в процессе социализации признания негативной девиантности в качестве новой нормы, то получим неоднозначный результат. Те, кто склонен к негативной девиации, не способны интегрироваться в ту социальную систему, в которой они находятся и социализируются, однако в какой-то момент они сталкиваются с ситуацией отрицания возможности вообще любой интеграции, в том числе и с «единомышленниками» [6, с. 35–36]. В реальной жизни мы можем увидеть, что, например, в криминальной субкультуре, которая отрицает какие-либо правовые границы относительно удовлетворения собственных возникающих потребностей за счет членов основного обще-

ства (например, кража), жестко и категорично пресекается подобное поведение внутри данного сообщества – воровство у своих недопустимо. Получается, что норма, как осевая линия дозволенного, проходит не по личным пристрастиям отдельного человека, а образуется в новом организме малой социальной системы, хотя бы малой социальной группе, где впервые согласуются интересы, желания и действия отдельных субъектов (актеров). Таким образом, видим, что это «линия силы», которая независимо от того, кто вокруг нее собирается, все расставляет в определенной (упорядоченной) последовательности.

Поскольку полярность, как характеристика девиации и девиантности, проявляется постоянно, особенно остро ощущается потребность в ее четком и однозначном определении в социальной практике, в частности для организации и осуществления социального контроля.

С этой позиции мы можем вести речь о норме не как о простом «договоре», а целесообразной необходимости для жизни организма (социальной системы); все, что ее разрушает, – есть негативная девиация, а все, что ее укрепляет и, развивая, совершенствует, – позитивная девиация. Это если мы подходим к рассмотрению социальной системы с достаточного расстояния, чтобы увидеть ее в целостном виде и, следовательно, понять процессы, проходящие в ней (ведь за деревьями не всегда можно увидеть лес).

Если же мы перемещаем свой взгляд на микроуровень и рассматриваем конкретно-исторические события и процессы, то в разные периоды и в разных обществах можно видеть, как на какое-то время механизм, рассматриваемый ранее, сбивается («сходит с ума») и, кажется, все встает с ног на голову. Но проходит некоторое время и все возвращается на круги своя.

В революционный период в России иметь отношение к элите было опасно, преступно. Но «тряска турбулентной зоны» завершилась, и стало видно, что те, кто клеймил и преследовал членов элиты, заняли их место и стали считать его нормативным. Так, именно представители высших кругов («элиты») СССР наиболее активно ломали устоявшуюся социальную реальность и структуру. И потому жизнь крестьян

in both directions. Therefore, the use of the category deviation is appropriate only to denote the phenomenon of displacement, however, without specifying its polarity.

Referring to visible manifestations, such as behavior, it is correct to use the category of 'deviant behavior', which may reflect deviance of a social subject.

In scientific literature and social practice, the category of 'deviant behavior' is widespread and understood in a rather narrow aspect as behavior that deviates from the social norm and is associated with violation of existing social norms and rules, for example, delinquency, alcoholism, drug addiction, etc. However, it is not that rarely reduced to designation of illegal behavior. Such an approach raises a lot of questions and problems during organization of social control, since there is duality and even ambiguity, both in interpretation and application of this category in studying specific cases.

Sometimes it is extremely difficult to separate positive and negative deviation: we often encounter a dispute in evaluation of actions of the Melpomene servants. For example, Pussy Riot and their actions in the Orthodox Church are a deviation. But what is the nature of this deviation? Is it negative and violates accepted norms, for example, the feelings of believers or positive and creates something new in art? What should be the measure – desire of the majority or something else? This problem was relevant both in the time of Durkheim, who, on the one hand, considered crime as a norm, and, on the other hand, when studying suicides, spoke of deviation from the norm, and for modern social studies.

If we performed mathematical modeling [15, pp. 5–116] to check the probability of recognizing negative deviance as a new norm in the process of socialization we would receive a paradoxical result. Those adhering to negative deviation are not able to integrate into the social system in which they are located and socialize, but at some point they face a situation of denying the possibility of any integration at all, including 'like-minded people' [6, pp. 35–36]. In real life, we can see that, for example, the criminal subculture denies

any legal boundaries regarding meeting their own emerging needs, (for example, theft), but it strictly and categorically stops such behavior within its own community – stealing from your comrades is unacceptable. It appears that the norm as the axial line of what is permitted is not based on personal preferences of the individual but is formed in the new organism of a small social system, at least a small social group where the interests, desires, and actions of individual subjects (actors) are reconciled for the first time. Thus, it turns out that this is the 'power line', which puts everything in a certain (ordered) sequence regardless of the people around it.

Since the polarity as a characteristic of deviation and deviance manifests itself constantly, the need for its clear and unambiguous definition in social practice, especially for organization and implementation of social control, is particularly acute.

From this position, we can talk about the norm as not a simple 'contract' but as an expedient necessity for the life of the organism (the social system). Everything that destroys it is a negative deviation, but everything that strengthens it and, by developing, improves it is a positive deviation. It is so if we approach the social system from a sufficient distance to see it in a holistic way and, therefore, to understand the processes taking place in it (it is not always possible to see the wood for the trees!).

If we refer to the micro-level and consider concrete historical events and processes, then in different periods and in different societies we can see how the mechanism considered above for some time goes astray ('goes crazy') and everything seems to turn upside down. However, some time passes and everything comes full circle.

During the revolutionary period in Russia it was dangerous to relate to the elite – it was even criminal, but the 'shaking of the turbulent zone' was over, and those who stigmatized and persecuted members of the elite took this place themselves and began to consider it normative. Paradoxically, they were people from the highest circles ('elite') of the USSR who most actively broke the established social reality and structure. In this sense, the life of peasants

в революционный / послереволюционный период в России, а также отношение и оценка их и их действий сторонниками стремительных перемен наиболее показательны.

В социальной системе традиционного общества нормативный вектор был направлен на достижение стабильности, которая основывалась на культурном укладе, трудовом укладе и требовала социального порядка.

Индустриальное общество подрывает основу как культурного, так и трудового уклада, что обуславливает его динамизм. Вследствие этого строгое требование социального порядка имеет интерес для одной из сторон (например, класса) или для обеих сразу, во втором случае мы можем вести речь о социальной стабильности и согласованном движении социальной системы. Когда порядок жестко диктуется одной из сторон, закладывается элемент дестабилизации социального состояния, связанного с террором, применяемым как слабой, так и сильной сторонами [8; 18, pp. 199–211].

Постиндустриальное (цифровое) общество по своей сути не имеет стабильных и определенных основ. Нет ни культурных основ общества, поскольку мультикультурализм и массовая культура вызывают либо протестную реакцию, либо стремление к свободе от каких бы то ни было норм и устоев. Нет и трудовых основ в этом новом обществе; возникает новый трудовой класс – прекариат, который не уверен в своем трудовом будущем, а значит, и в будущей жизни в целом. Здесь говорить о социальном порядке не приходится вообще, поскольку возникает спор, чей порядок правильнее, вернее, лучше или справедливее; либо порядок отбрасывается вовсе как отживший, устаревший, атавистичный элемент – свобода от ограничивающих норм. В биологических системах можно увидеть аналог, в частности, в случае раковых образований, когда сбивается система, которая регулирует порядок функционирования и развития биологического организма в целом или отдельных его элементов.

Анализ подводит нас к пониманию того, что мерилом положительной или отрицательной девиации может служить только степень ее конструктивности, причем конструктивности не для отдельных групп, слоев или даже сообществ, а конструктивности с точки зрения со-

циальной системы как самостоятельного образования, которое не может быть сведено к его отдельным элементам. В связи с вышесказанным следует говорить о необходимости оперировать четкими понятиями, которые мы используем.

В данном случае целесообразно рассматривать не только отклонение от нормативной оси, которое является естественным и даже необходимым социальным феноменом в функционировании как отдельной личности, так и общества в целом. Именно отклонение от нормативной оси продуцирует через процесс дифференциации адаптивное изменение и развитие социальной системы, отдельной личности и социальной реальности во всем ее многообразии: социально-экономическом, социально-политическом, социально-техническом, социокультурном и др. В связи с этим важно фокусировать внимание не на факте отклонения от нормативной оси, а на характере этого отклонения – оно дестабилизирующее и приводящее в результате к полному разрушению системы, будь то личность или в целом социальная система. Или оно, конечно, дестабилизирующее, но приводящее в последующем к адаптивной перестройке системы в соответствии с новыми требованиями, возникающими в социокультурной, социально-экономической, социально-политической, социально-экологической, социально-технической или иных сторонах жизнедеятельности общества. В связи с этим понятие «девиантное поведение» полагаем недостаточным, поскольку отклонение может быть не только отрицательным, но и положительным. Предлагаем использовать понятия «конструктивное поведение» и «деструктивное поведение».

Деструктивное поведение – очень емкое понятие, которое включает в себя разные по характеру поведенческие модели, но сходные в одном: они, в противовес конструктивному, не просто препятствуют сохранению и устойчивому эффективному развитию как отдельной личности, так и социальных общностей и в целом социальной системы (общества), но приводят к их разрушению, уничтожению.

Деструктивное поведение в современных условиях можно рассматривать как в традици-

in the revolutionary/post-revolutionary period in Russia, as well as the attitude and evaluation of them and their actions by the proponents of rapid changes, is most indicative.

In the social system of the traditional society, the normative vector was aimed at stability, which was formed from the characteristics of the cultural structure, as well as from the characteristics of the labor structure and demanded social order.

The industrial society undermines the basis of both cultural and labor structures – they become mobile and fairly independent. As a result, strict demand for social order is of interest for one of the parties (for example, a class) or for both at once, in the second case we can talk about social stability and coordinated movement of the social system. In the case when order is strictly dictated by one of the parties, an element of destabilization of the social state associated with terror, applied both by the weak and the strong side, is laid [8; 18, pp. 199–211].

The post-industrial (digital) society in its essence does not have stable and definite foundations. It does not possess the cultural basis, since multiculturalism and popular culture cause either a protest reaction or a desire for freedom from any norms and principles. There is no labor basis in this new society. A new labor class emerges – the Prekariat, which is characterized by the absence of any confidence among the working people both in their own labor future and in other sides of their future life. In this case, there is no need to talk about social order at all, since a dispute arises on whose order is more correct, or rather, better or fairer, or order is completely discarded as an obsolete, atavistic element – freedom from restrictive norms. In biology, one can see the analogue in the case of cancers, when the system that regulates functioning and development of the biological organism as a whole or its elements fails.

All this analysis brings the understanding that the measure of positive or negative deviation can only be the degree of its constructiveness and not

constructiveness for individual groups, layers or even communities but constructiveness from the point of view of the social system as an independent formation, which cannot be reduced to its individual elements. In connection with all the above, the need for clarity of the concepts that we use is no longer felt but realized.

In this case, it is more expedient to consider not just a deviation from the normative axis, which is a natural and even necessary social phenomenon in functioning of both an individual and the society as a whole. It is the deviation from the normative axis that contributes through the process of differentiation to the adaptive change and development of the social system, an individual personality and social reality in all its diversity: socio-economic, socio-political, socio-technical, socio-cultural, and other aspects of life. In this regard, it is important to focus not on the fact of deviation from the normative axis but on the nature of this deviation – it is destabilizing and subsequently leading to the complete destruction of the system whether it is an individual or a whole social system. Or it may be destabilizing but subsequently leading to adaptive restructuring of the system in accordance with the new requirements arising in the socio-cultural, socio-economic, socio-economic political, socio-environmental, socio-technical or other side of society. In this regard, we propose to use not the concept of deviant behavior, since deviation can be not only negative but also positive, with the latter being of interest for us, but to a lesser extent. We propose to use the concepts of constructive and destructive behavior.

Destructive behavior is a very capacious concept including behavioral models of different nature, which are similar in one thing. As opposed to the constructive one, they do not simply hinder preservation and sustainable effective development of both an individual and social communities and the whole social system (society), but lead to their destruction.

Destructive behavior in modern conditions can be viewed both in traditional forms of behavior

онных формах поведения (преступность – асоциальное и антисоциальное поведение; аутоагрессивные формы поведения – алкоголизм, наркомания, суицид), так и относительно новых формах поведения (игромания, экстремизм) [10, pp. 3–5; 19, p. 133].

Правовая система как социальный институт

Правовая система нами рассматривается с позиции юридической социологии, понимающей ее достаточно широко, охватывая весь спектр явлений правовой сферы жизни общества. Исторически правовая система формируется как социальный институт, призванный на уровне государства формализовать общепринятые в обществе социальные нормы, переведя их в правовые нормы. Данная функция правовой системы ориентирована на установление границ допустимой вариативности в действиях людей или социальных общностей.

Важно отметить, что этот институт призван выполнять функции контроля и наказания: надзор; поиск адекватных и объективных санкций, которые в максимальной мере позволят поддерживать устойчивость и стабильность внутри социальной системы. Чаще всего в практике под санкциями понимаются только негативные воздействия – наказания, которые призваны оказывать воздействие не только на нарушителя, но и на свидетелей с тем, чтобы в последующем они не решились бы преступать требования данной нормы.

В структуре правовой системы существуют неравнозначные элементы, которые необходимо рассматривать в комплексе для того, чтобы понять их системный характер, а также влияние всех как интеграционных, так и дезинтеграционных процессов, проходящих в данном социальном институте, на социальную систему в целом. В первом приближении в правовой системе можно выделить такие элементы, как правовая идеология, законодательство и юридическая практика, которые на конкретно-эмпирическом уровне проявляются в нормативно-правовой базе, правовой культуре и политике конкретной страны, а также целого ряда организаций (законодательный орган, суд, правоохранительные организации, организации исполнения наказания).

Криминогенность современного общества

Из официальных статистических данных о состоянии уровня преступности в разных странах видно, что есть «общие» виды преступлений и специфичные, имеющие, по-видимому, особое значение для каждого государства. В Республике Беларусь к специфическим видам преступлений можно отнести мошенничество, хулиганство, взяточничество. В Российской Федерации особенно актуальны взяточничество и террористические акты. В странах Евросоюза с недавних пор формируется общая система мониторинга, в которой преимущественно градируются преступления сексуального характера, но в то же время не рассматриваются виды преступлений, связанные с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ, а также терроризм.

Анализируя данные, взятые из официальных статистических источников (табл. 1–4), можно заметить, что такие преступления, как убийства, имеют стабильные показатели. Исключением является РФ, где отмечается снижение этого вида преступления в 2 раза. Преступления сексуального характера в разных странах имеют разные тенденции: в одних – на снижение, а в других (Латвия, Польша, Франция) – к росту, от 2 до 4 раз. Данный всплеск, вероятно, связан в том числе и с миграционными процессами, особенно в условиях стремительного роста в короткие сроки численности представителей принципиально различных по социокультурному коду народов на одной территории [17]. Аналогичные тенденции наблюдаются относительно совершения краж (рост фиксируется в Греции и Франции). Из материалов статистических данных Республики Беларусь и РФ можно увидеть, что преступления, связанные с оборотом наркотических и психотропных веществ, носят волнообразный характер, в определенном диапазоне.

Несмотря на то, что о террористических актах в странах известно всему миру, исследователи продолжают говорить о феномене «доморощенных» террористов [21, pp. 34–37]. Официальная статистическая информация о данном виде правонарушения существует в открытом доступе только в Российской Федерации.

(criminality – asocial and antisocial behavior; auto-aggressive forms of behavior – alcoholism, drug addiction, suicide), and relatively new forms of behavior: gambling, extremism [10, pp. 3–5; 19, p. 133].

Legal System as a Social Institution

The legal system in this article is considered from the standpoint of legal sociology, which understands it quite widely, covering the whole spectrum of phenomena in the legal sphere of the society. Historically, the legal system is formed as a social institution called upon at the state level to formalize social norms generally accepted in the society, translating them into legal norms. This function of the legal system is focused on delineating the limits of permissible variability in actions of people or social communities.

It is also important to note that this institution is created to perform the functions of control and punishment. These two functions are designed not only to organize supervision but also to initiate the search for adequate and objective sanctions, which will maximally maintain stability and sustainability within the social system. Most often, in practice, only negative impacts are meant as sanctions – punishments that are established to influence not only the offender but also the witnesses, so that later they would not want to transgress the requirements of this norm.

In the structure of the legal system there are unequal elements that are important to consider in complex in order to understand their systemic nature, as well as the impact of all integration and disintegration processes taking place in the given social institution on the social system as a whole. In the first approximation, it is possible to distinguish in the legal system such elements as legal ideology, legislation, and legal practice, which at the concrete empirical level are manifested in the legal framework, legal culture, and policies embodied in a particular country, as well as a number of organizations (legislature, court, law enforcement agencies, organizations of punishment execution).

Criminogenicity of Modern Society

Official statistics on the state of crime in different countries highlight both the types of crimes common for the countries and those specific, being of particular importance for each state. In the Republic of Belarus, fraud, hooliganism, bribery can be referred to specific types of crimes. In the Russian Federation, bribery and terrorist acts are particularly prominent. Recently, a common monitoring system has been formed in the EU countries which mainly focuses on differentiation of sexual crimes and at the same time does not consider the types of crimes related to narcotic and psychotropic substances, as well as terrorism.

Analyzing the data taken from official statistical sources (see Tables 1–4), one can notice that such crimes as murders have stable indicators, with an exception presented by the Russian Federation, where there is reduction in this type of crime by 2 times. Crimes of sexual nature in different countries show different trends – in some they decline, and in others (Latvia, Poland, France) – they increase from 2 to 4 times. This surge is probably connected with migration processes, especially in conditions of a rapidly growing number of representatives of fundamentally different nations in one territory [17]. Similar trends are observed with respect to the theft as growth is recorded in Greece and France. On the materials of statistical data of the Republic of Belarus and the Russian Federation, it can be noted that crimes related to narcotic and psychotropic substances are wave-like, keeping in a certain range. Despite the fact that the news about terrorist acts all over the world is constantly heard, and researchers note the phenomenon of ‘home-grown’ terrorists [21, pp. 34–37], official statistical information about this type of offense was made publicly available only in the Russian Federation.

рации. Благодаря регистрации данных о террористических актах в период с 1995 г. по настоящее время в РФ мы можем видеть, что в отдельных конкретных странах ситуация максимально стабилизировалась, но все же остае-

ся. Причем максимальный пик террористической активности приходится на период в жизни государства, связанный с общественно-политическими и социально-экономическими потрясениями.

Таблица 1

**Зарегистрированные в органах внутренних дел убийства
(страны Европейской части Евразийского континента), тыс. случаев**

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Беларусь	0,6	0,6	0,5	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4
Бельгия	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	...
Болгария	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Германия	0,7	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,6	0,7	0,7
Греция	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1
Испания	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3
Латвия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Польша	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3	0,3
Россия	20,1	17,1	15,6	14,3	13,3	12,4	11,9	11,5	10,4
Франция	1,0	0,8	0,8	0,9	0,8	0,8	0,8	1,0	0,9
Чехия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1

Таблица 2

**Зарегистрированные в органах внутренних дел преступления сексуального характера
(страны Европейской части Евразийского континента), тыс. случаев**

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Беларусь	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Бельгия	21,5	21,3	21,8	21,6	21,4	18,5	18,2	16,6	...
Болгария	1,5	1,5	1,4	1,3	1,4	1,3	1,2	1,2	0,7
Германия	113,6	98,2	73,1	72,7	72,8	70,6	69,9	68,5	74,3
Греция	1,4	1,8	0,9	0,8	0,9	0,7	0,8	1,0	1,0
Испания	21,8	19,5	20	19,8	18,0	17,8	18,9	19,7	17,4
Латвия	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,9	1,1	0,8	0,4
Польша	1,6	1,5	1,6	1,5	1,4	4,3	4,1	3,9	4,5
Россия	6,2	5,4	4,9	4,8	4,5	4,2	4,2	3,9	3,9
Франция	48,1	46,5	46,0	47,8	53,6	55,6	62	66,6	71,6
Чехия	3,4	3,5	2,7	3,0	2,8	2,8	2,9	2,8	2,7

Здесь и далее в таблицах сведения приводятся по данным Белстата, Eurostat, Росстата. Знак многоточия (...) – отсутствуют данные.

Thanks to registration of data on terrorist acts in the period from 1995 to the present day in the Russian Federation, we can see that the situation in this particular country has stabilized to the maxi-

mum but still has not disappeared. Moreover, the maximum peak of terrorist activity falls on the period associated with socio-political and socio-economic upheavals.

Table 1

**Murders registered in the internal affairs bodies
(countries of the European part of the Eurasian continent) (thousands of cases)**

Countries	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Belarus	0.6	0.6	0.5	0.4	0.4	0.4	0.4	0.4	0.4
Belgium	0.2	0.2	0.2	0.2	0.2	0.2	0.2	0.2	...
Bulgaria	0.2	0.2	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1
Germany	0.7	0.7	0.7	0.7	0.6	0.6	0.6	0.7	0.7
Greece	0.1	0.1	0.2	0.2	0.2	0.1	0.1	0.1	0.1
Spain	0.4	0.4	0.4	0.4	0.4	0.3	0.3	0.3	0.3
Latvia	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1
Poland	0.5	0.5	0.4	0.4	0.4	0.3	0.3	0.3	0.3
Russia	20.1	17.1	15.6	14.3	13.3	12.4	11.9	11.5	10.4
France	1.0	0.8	0.8	0.9	0.8	0.8	0.8	1.0	0.9
Czech Republic	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1

Table 2

**Crimes of sexual nature registered in the internal affairs bodies
(countries of the European part of the Eurasian continent) (thousands of cases)**

Countries	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Belarus	0.3	0.2	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1
Belgium	21.5	21.3	21.8	21.6	21.4	18.5	18.2	16.6	...
Bulgaria	1.5	1.5	1.4	1.3	1.4	1.3	1.2	1.2	0.7
Germany	113.6	98.2	73.1	72.7	72.8	70.6	69.9	68.5	74.3
Greece	1.4	1.8	0.9	0.8	0.9	0.7	0.8	1.0	1.0
Spain	21.8	19.5	20	19.8	18.0	17.8	18.9	19.7	17.4
Latvia	0.1	0.1	0.1	0.1	0.1	0.9	1.1	0.8	0.4
Poland	1.6	1.5	1.6	1.5	1.4	4.3	4.1	3.9	4.5
Russia	6.2	5.4	4.9	4.8	4.5	4.2	4.2	3.9	3.9
France	48.1	46.5	46.0	47.8	53.6	55.6	62	66.6	71.6
Czech Republic	3.4	3.5	2.7	3.0	2.8	2.8	2.9	2.8	2.7

Here and further information in the tables is provided according to the data of Belstat, Eurostat and Rosstat. (...) means that data are not available.

Если говорить о наказании за нарушение законодательных норм, то, анализируя официальные статистические данные, можно отметить, что численность осужденных за убийство имеет в целом столь же стабильный показатель, снижение наблюдается только в РФ, что является пропорциональным к сокращению самих зарегистрированных преступлений. В ряде других стран европейской части Евразийского континента, при стабильном уровне совершаемых убийств, наблюдается увеличение численности осужденных за этот вид преступления, например в Республике Беларусь, Бельгии, Испании, что позволяет предположить, что, вероятно, убийства совершались группой лиц. Количество осужденных за преступления сексуального характера так же слабо связано с динамикой совершения преступлений в разных странах. Например, можно выделить Бельгию и Испанию, где при снижении показателя данного вида преступлений сохраняется число наказываемых за него. Соразмерное сокращение количества преступлений и числа осужденных за данные преступления отмечаются в Германии и Болгарии, в то время как в РФ и Чехии снижение числа осужденных по этим видам преступлений стремительнее, чем сокращение самих случаев совершения преступлений. Еще более значима ситуация в Греции, где на фоне снижения примерно на треть преступлений сексуального характера отмечается увеличение в 2 раза числа осужденных за этот вид преступления. В Польше при росте количества преступ-

лений сексуального характера в 4 раза число осужденных за этот вид преступления увеличилось лишь в 0,5 раза. В Латвии при увеличении этих преступлений в 4 раза показатель количества осужденных сохраняется, а во Франции и вовсе: при увеличении количества совершенных преступлений сексуального характера отмечается сокращение числа осужденных за данный вид преступления. Это все наталкивает на мысль о том, что часть преступлений сексуального характера остаются безнаказанными во многих странах.

К сожалению, проанализировать ситуацию в плане реагирования системы правосудия на преступления, связанные с собственностью, в частности кражи, по официальным источникам, возможно только относительно РФ и Республики Беларусь, где можно отметить пропорциональное снижение числа осуждаемых количеству совершаемых преступлений.

Вместе с тем хочется акцентировать внимание на судебной практике, которая на примере рассмотренных стран в отношении разных преступлений демонстрирует непоследовательность и даже непредсказуемость, что способно формировать у потенциальных правонарушителей ощущение безнаказанности [22, pp. 22–23]. Эта гипотеза находит свое подтверждение в факте роста рецидивных преступлений, которые только в Республике Беларусь и РФ составляют около трети всех совершаемых преступлений (см. табл.5).

Таблица 3

**Зарегистрированные в органах внутренних дел кражи
(страны Европейской части Евразийского континента), тыс. случаев**

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Беларусь	87,4	82,3	73,6	73,6	56,4	46,4	40,5	40,4	37,1
Бельгия	245,7	249,6	228,4	242,4	237,9	224,1	208,4	186,6	...
Болгария	42,6	44,3	50,5	47,3	44,5	45,3	41,2	38,3	32,7
Германия	2052,9	1308,7	1220,0	1276,1	1267,6	1289,1	1322,1	1349,0	1290,5
Греция	91,4	99,4	118,5	129,1	119,1	103,7	94,1	100,8	101,8
Испания	237,5	217,6	144,6	155,1	165,3	163,5	155,3	205,8	163,1
Латвия	25,8	29,2	25,7	...	21,3	20,6	20,6	19,4	14,6
Польша	214,4	208,2	203,9	230,2	230,8	212,1	168,6	145,2	126,4
Россия	1326,3	118,6	1108,4	1038,6	992,2	922,6	908,9	1018,5	871,1
Франция	962,6	1383,3	1172,6	1163,8	1173,9	1390,0	1429,4	1397,4	1381,4
Чехия	166,1	153,1	126,3	124,3	119,4	125,6	103,7	84,8	71,9

As for punishment for violation of legislation, from official statistics it can be seen that the number of convicts for murder has a generally equally stable indicator, a decrease is observed only in the Russian Federation, which is proportional to reduction of registered crimes themselves. In some other countries of the European part of the Eurasian continent, with a stable level of murders, there is an increase in the number of people convicted of this type of crime, for example, in the Republic of Belarus, Belgium, Spain, which suggests that it is likely that the murders were committed by a group of individuals. The number of people convicted of crimes of sexual nature is also weakly related to the dynamics of crimes committed in different countries. For example, Belgium and Spain can be distinguished where, while reducing this type of crime, the number of people punished for it remains. A commensurate reduction in the number of crimes and the number of those convicted of these crimes is noted in Germany and Bulgaria, while in the Russian Federation and the Czech Republic the decrease in the number of convicts for these types of crimes is faster than the reduction in the number of crimes committed. The situation is even more paradoxical in Greece, where, amid a decline of about a third of crimes of sexual nature, there is an increase by 2 times in the number of those convicted for committing them. In Poland, with an

increase in the number of crimes of sexual nature by 4 times, the number of people convicted increased only by 0.5 times. In Latvia, with an increase in such crimes by 4 times, the number of convicts remains the same, while in France, with an increase in the number of crimes of sexual nature, there is a decrease in the number of convicts. All this suggests that a part of the crimes of sexual nature go unpunished in a significant number of countries.

Unfortunately, to analyze the situation with the response of the justice system to crimes related to property, in particular theft, according to official sources, is possible only with respect to the Russian Federation and the Republic of Belarus, in which a proportional decrease in the number of crimes condemned can be noted.

At the same time, it is worth focusing on judicial practice, which, with regard to the countries considered, demonstrates inconsistency and even unpredictability in relation to various crimes, which may develop a sense of impunity among potential offenders [22, pp. 22–23]. This hypothesis is confirmed by the growth of recidivism, with the number of repeat crimes accounting for about a third of all crimes committed only in the Republic of Belarus and the Russian Federation (see Table 5).

Table 3

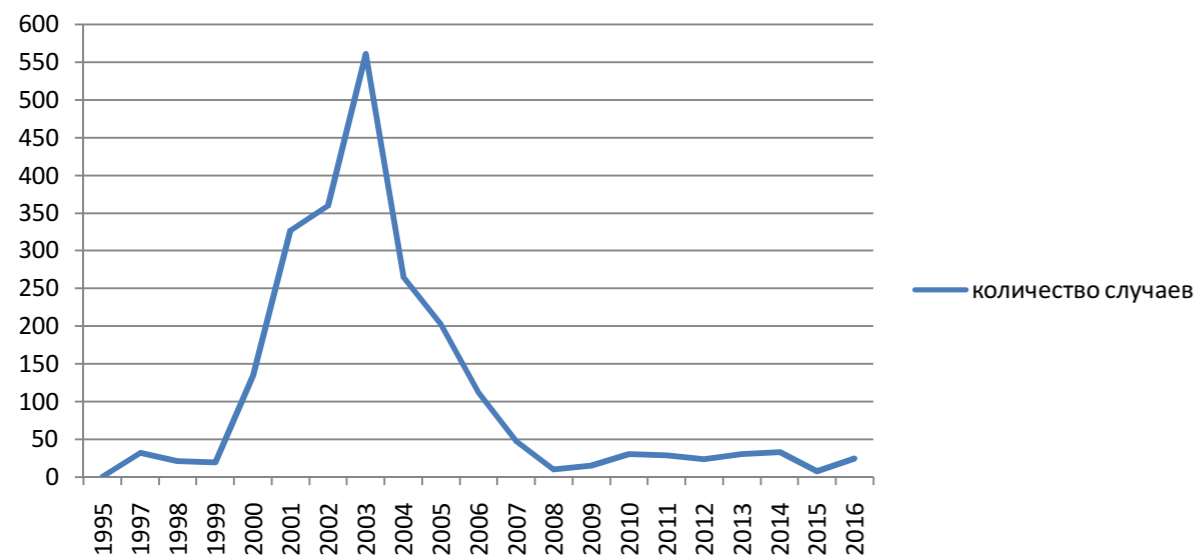
**Thefts registered by the internal affairs bodies
(European part of the Eurasian continent) (thousands of cases)**

Countries	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Belarus	87.4	82.3	73.6	73.6	56.4	46.4	40.5	40.4	37.1
Belgium	245.7	249.6	228.4	242.4	237.9	224.1	208.4	186.6	...
Bulgaria	42.6	44.3	50.5	47.3	44.5	45.3	41.2	38.3	32.7
Germany	2052.9	1308.7	1220.0	1276.1	1267.6	1289.1	1322.1	1349.0	1290.5
Greece	91.4	99.4	118.5	129.1	119.1	103.7	94.1	100.8	101.8
Spain	237.5	217.6	144.6	155.1	165.3	163.5	155.3	205.8	163.1
Latvia	25.8	29.2	25.7	...	21.3	20.6	20.6	19.4	14.6
Poland	214.4	208.2	203.9	230.2	230.8	212.1	168.6	145.2	126.4
Russia	1326.3	118.6	1108.4	1038.6	992.2	922.6	908.9	1018.5	871.1
France	962.6	1383.3	1172.6	1163.8	1173.9	1390.0	1429.4	1397.4	1381.4
Czech	166.1	153.1	126.3	124.3	119.4	125.6	103.7	84.8	71.9

Таблица 4

Зарегистрированные в органах внутренних дел преступления, связанные с наркотическими и психотропными веществами (Республика Беларусь и Россия), тыс. случаев

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Беларусь	4,5	4,1	4,5	4,7	4,5	4,2	5,0	7,4	7,3	6,5	5,5
Россия	231,2	323,6	328,5	222,6	215,2	219,0	231,5	254,7	236,9	201,2	208,7

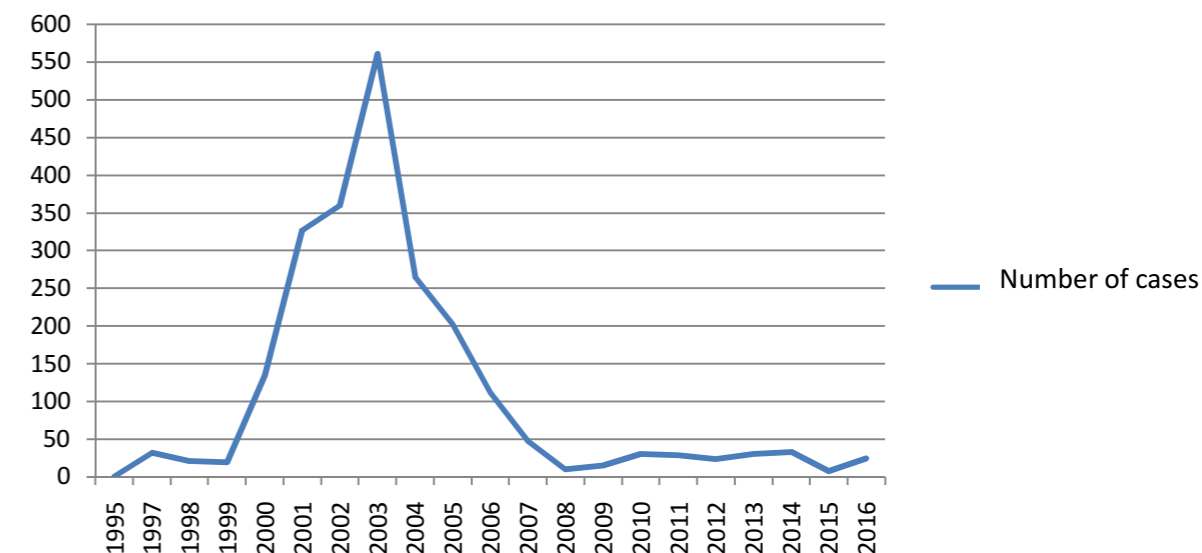

Зарегистрированные в органах внутренних дел РФ террористические акты

Table 4

Crimes associated with narcotic and psychotropic substances registered in the internal affairs bodies (Republic of Belarus and the Russian Federation), (thousands of cases)

Countries	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Belarus	4.5	4.1	4.5	4.7	4.5	4.2	5.0	7.4	7.3	6.5	5.5
Russia	231.2	323.6	328.5	222.6	215.2	219.0	231.5	254.7	236.9	201.2	208.7

Terrorist acts registered by the internal affairs bodies of the Russian Federation

Таблица 5

Удельный вес преступлений, совершенных лицами, ранее совершавшими преступления, от общего числа зарегистрированных преступлений (Республика Беларусь и Россия), %

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Беларусь	...	...	...	32,3	27,9	30,2	30,3	29,2	...	...	...
Россия	14,9	16,2	17,8	20,2	22,2	25,3	27,8	29,0	28,8	31,2	31,6

Девиантное поведение молодежи в современных условиях

Говоря о распространенных в мире поведенческих проявлениях, связанных с нарушением закона, остановимся на возрастной группе молодежи. Согласно официальным статистическим данным разных стран, в том числе и РФ, молодежная группа, и особенно несовершеннолетние, становится все более законопослушной и менее криминализованной частью населения (см. табл. 6).

Имеющаяся информация о снижении негативных девиаций среди несовершеннолетних настраивает на благодушный лад, ведь вслед за снижением криминальности в среде несовершеннолетних должна прийти волна декриминализации общества в целом, поскольку, достиг-

нув возраста совершеннолетия, молодые люди вливаются в ряды взрослых, что должно способствовать снижению общего уровня криминальности.

Вместе с тем эти данные вызывают сомнения в связи с фиксируемыми по всему миру актами экстремистского и террористического характера. По данным исследователей участниками нередко является молодежь, средний возраст радикализации которой – 22 года, однако в настоящее время этот возраст имеет тенденцию к снижению до подросткового [13, р. 8–9]. Другой алогизм заключается в том, что те же самые официальные источники, на фоне снижения преступности среди несовершеннолетних, фиксируют повышение уровня нарушения закона со стороны тех, кто только что перешагнул ру-

Table 5

Percentage of crimes committed by persons who have previously committed crimes in the total number of registered crimes (Republic of Belarus and the Russian Federation) (%)

Countries	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Belarus	...	...	...	32.3	27.9	30.2	30.3	29.2	...	...	...
RF	14.9	16.2	17.8	20.2	22.2	25.3	27.8	29.0	28.8	31.2	31.6

Deviant Behavior of Young People in Modern Conditions

Speaking about the behavioral manifestations widespread in the world scale associated with violation of the law, it is necessary to dwell in particular on the age group of young people. According to official statistics from different countries, including the Russian Federation, the youth group, and especially minors, is becoming an increasingly law-abiding and less criminalized part of the population (see Table 6).

Available information on reducing negative deviations among minors encourages a complacent mood, because after the decrease in criminality among minors, a wave of decriminalization of so-

ciety as a whole must come, since, having reached the age of majority, young people join the ranks of adults and should contribute to the decrease in overall criminality.

At the same time, these data raise doubts in connection with the waves of extremist and terrorist acts recorded throughout the world. According to researchers, the average age of radicalization is 22, but it tends to decline to adolescence at the present time [13, pp. 8-9]. Another paradox is that the same official sources, against the background of a decrease in juvenile delinquency, record an increase in the level of violation of the law by young people from 18 to 30 years old (see Table 7).

беж зрелости – молодые люди от 18 до 30 лет (см. табл.7).

Из статистических данных разных стран европейской части Евразийского континента мы можем видеть, что в процентном соотношении общий уровень криминогенности существенно не изменяется, а остается достаточно стабильным (см. табл. 8). При абсолютных числах демонстрирующих снижение правонарушений среди несовершеннолетних мы обнаруживаем, что среди старшей возрастной группы молодежи (18–30 лет) уровень правонарушителей постоянен и ощутимо превышает показатель уровня криминогенности среди несовершеннолетних в возрастной группе 14–17 лет (см. табл.7).

Хотя нас интересует ситуация с преступностью в молодежной среде, разрывать и обо-

соблять общую криминогенную ситуацию в стране и молодежную преступность нельзя, поскольку удельный вес несовершеннолетних правонарушителей от общего количества совершивших преступления в половине рассматриваемых стран превышает удельный вес несовершеннолетних к общей численности населения данного возраста этих стран (см. табл. 9, 10). Это значит, что, несмотря на фиксируемое официальной статистикой всех стран снижение правонарушений среди несовершеннолетних в абсолютных числах, радоваться рано. Вероятнее всего, снижение количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними, является следствием демографической ситуации, характерной практически для всех стран европейской части Евразийского континента, – снижения численности населения и его старения.

Таблица 6

Численность несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступлений (страны Европейской части Евразийского континента), тыс. чел.

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Беларусь	...	...	3,9	3,3	2,6	2,0	2,2	...	...
Бельгия	23,9	23,9	23,6	21,5	18,8	18,3	17,9	17,1	...
Болгария	6,3	4,7	5,1	5,8	5,3	5,0	4,9	3,3	3,5
Германия	265,8	254,2	231,5	214,7	200,3	259,5	258,6	297,4	300,4
Греция	7,7	6,5	4,9	4,6	3,8	4,7	3,8	4,8	6,0
Испания	18,7	19,7	18,3	19,7	19,0	18,4	16,7	19,9	21,0
Латвия	2,3	1,8	1,5	1,8	1,8	1,6	1,2	1,3	0,9
Польша	52,1	50,9	51,2	50,0	43,8	25,0	17,3	12,9	13,0
Россия	107,9	85,5	72,7	66,0	59,5	60,7	54,4	56,0	48,6
Франция	207,8	214,6	216,2	207,3	201,4	194,6	190,1	187,9	187,8
Чехия	8,7	7,4	5,5	5,4	3,4	4,2	4,0	3,4	2,5

Таблица 7

Численность выявленных лиц, совершивших преступления, по возрастным категориям (Республика Беларусь и Россия), тыс. чел.

Страны / возраст	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Беларусь	14–15 лет	...	...	1,2	1,0	0,8	0,6	0,7	...	...	...	
	16–17 лет	...	...	2,8	2,3	1,8	1,4	1,6	...	...	...	
	18–29 лет	...	...	...	32,2	28,5	22,7	20,8	20,5	...	...	
	18–29 лет	...	...	...	32,2	28,5	22,7	20,8	20,5	...	...	
Россия	14–15 лет	38,1	29,6	23,7	21,5	20,5	18,5	19,7	17,1	17,2	15,6	14,9
	16–17 лет	93,9	78,3	61,8	51,2	45,5	41,0	41,0	37,3	38,8	33,0	27,6
	18–24 года	362,8	334,1	311,5	277,6	254,1	233,6	222,5	207,8	203,6	182,4	161,7
	25–29 лет	237,6	229,6	228,3	208,8	194,2	191,8	191,5	190,0	201,5	192,9	172,1
	25–29 лет	237,6	229,6	228,3	208,8	194,2	191,8	191,5	190,0	201,5	192,9	172,1

Looking at the statistical data from different countries of the European part of the Eurasian continent, we can see that, in percentage, the overall level of criminality does not change significantly but remains fairly stable (see Table 8). With absolute numbers demonstrating a decrease in juvenile delinquency, we find that among the older age group of young people (18-30 years old), the level of offenders is constant and significantly exceeds the crime rate level among juveniles in the 14-17-year-old age group (see Table 7).

Although the situation with crime among young people is of particular interest, it is impossible to consider it in isolation from the general cri-

minogenic situation in the country. The proportion of juvenile offenders in the total number of offenders in half of the countries in question exceeds the proportion of minors in the total population of a given age in these countries (see Table 9, 10). This means that, despite the decline in juvenile delinquency recorded by official statistics of all countries in absolute numbers, it is too early to rejoice. Most likely, the reduction in the number of crimes committed by minors is a consequence of the demographic situation characteristic of almost all countries of the European part of the Eurasian continent – a decrease in the population size and its aging.

Table 6

Number of minors suspected of committing crimes (countries of the European part of the Eurasian continent) (thousands of people)

Countries	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Belarus	...	...	3.9	3.3	2.6	2.0	2.2	...	...
Belgium	23.9	23.9	23.6	21.5	18.8	18.3	17.9	17.1	...
Bulgaria	6.3	4.7	5.1	5.8	5.3	5.0	4.9	3.3	3.5
Germany	265.8	254.2	231.5	214.7	200.3	259.5	258.6	297.4	300.4
Greece	7.7	6.5	4.9	4.6	3.8	4.7	3.8	4.8	6.0
Spain	18.7	19.7	18.3	19.7	19.0	18.4	16.7	19.9	21.0
Latvia	2.3	1.8	1.5	1.8	1.8	1.6	1.2	1.3	0.9
Poland	52.1	50.9	51.2	50.0	43.8	25.0	17.3	12.9	13.0
Russia	107.9	85.5	72.7	66.0	59.5	60.7	54.4	56.0	48.6
France	207.8	214.6	216.2	207.3	201.4	194.6	190.1	187.9	187.8
Czech	8.7	7.4	5.5	5.4	3.4	4.2	4.0	3.4	2.5

Table 7

Number of identified perpetrators by age categories (Republic of Belarus and the Russian Federation) (thousands of people)

Countries / age	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	
Belarus	14-15 years old	...	...	1.2	1.0	0.8	0.6	0.7	...	...	...	
	16-17 years old	...	...	2.8	2.3	1.8	1.4	1.6	...	...	...	
	18-29 years old	...	...	...	32.2	28.5	22.7	20.8	20.5	...	...	
Russia	14-15 years old	38.1	29.6	23.7	21.5	20.5	18.5	19.7	17.1	17.2	15.6	14.9
	16-17 years old	93.9	78.3	61.8	51.2	45.5	41.0	41.0	37.3	38.8	33.0	27.6
	18-24 years old	362.8	334.1	311.5	277.6	254.1	233.6	222.5	207.8	203.6	182.4	161.7
	25-29 years old	237.6	229.6	228.3	208.8	194.2	191.8	191.5	190.0	201.5	192.9	172.1

Таблица 8

Удельный вес несовершеннолетних, подозреваемых в совершении преступлений, от общего числа подозреваемых (страны Европейской части Евразийского континента), %

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Беларусь	...	...	5,8	5,0	4,9	4,0	4,6	...	...
Бельгия	9,0	8,6	8,6	7,6	6,8	6,7	6,8	7,0	...
Болгария	11,4	8,5	8,6	11,3	11,5	11,2	12,1	8,1	7,9
Германия	11,8	11,3	10,8	10,2	9,6	12,4	12,0	12,6	12,7
Греция	3,6	3,3	2,9	3,5	3,2	4,8	3,8	4,3	5,4
Испания	5,3	5,9	5,7	5,2	5,1	4,9	4,8	5,3	5,8
Латвия	8,7	7,6	5,9	7,3	7,3	7,2	5,5	5,6	6,0
Польша	10,1	9,8	9,9	9,5	8,8	5,8	4,8	4,0	4,2
Россия	8,6	7,0	6,5	6,3	5,9	6,0	5,4	5,2	4,8
Франция	17,7	18,3	18,9	17,7	17,5	17,6	17,1	17,2	17,7
Чехия	7,1	6,0	4,9	4,5	3,0	3,6	3,5	3,3	2,7

Таблица 9

Удельный вес несовершеннолетних правонарушителей от общего числа совершивших преступление (страны Европейской части Евразийского континента), %

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Беларусь	...	...	5,8	5,0	4,9	4,0	4,6	...	...
Бельгия	9,0	8,6	8,6	7,6	6,8	6,7	6,8	7,0	...
Болгария	11,4	8,5	8,6	11,3	11,5	11,2	12,1	8,1	7,9
Германия	11,8	11,3	10,8	10,2	9,6	12,4	12,0	12,6	12,7
Греция	3,6	3,3	2,9	3,5	3,2	4,8	3,8	4,3	5,4
Испания	5,3	5,9	5,7	5,2	5,1	4,9	4,8	5,3	5,8
Латвия	8,7	7,6	5,9	7,3	7,3	7,2	5,5	5,6	6,0
Польша	10,1	9,8	9,9	9,5	8,8	5,8	4,8	4,0	4,2
Россия	8,6	7,0	6,5	6,3	5,9	6,0	5,4	5,2	4,8
Франция	17,7	18,3	18,9	17,7	17,5	17,6	17,1	17,2	17,7
Чехия	7,1	6,0	4,9	4,5	3,0	3,6	3,5	3,3	2,7

Таблица 10

Удельный вес несовершеннолетних от общей численности населения (страны Европейской части Евразийского континента), %

Страны	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Беларусь	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Бельгия	...	...	6,0	5,9	5,8	5,7	5,6	5,6	...
Болгария	...	...	5,5	5,2	4,9	4,6	4,4	4,4	4,4
Германия	...	...	5,3	5,1	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Греция	...	...	5,3	5,1	5,0	5,0	5,0	5,0	5,0
Испания	...	...	4,9	4,8	4,7	4,6	4,6	4,6	4,7
Латвия	...	...	6,4	5,9	5,4	4,9	4,6	4,4	4,4
Польша	...	...	6,6	6,3	6,0	5,8	5,6	5,3	5,2
Россия	8,4	7,7	7,0	6,8	6,3	5,9	5,8	5,6	5,5
Франция	...	...	6,2	6,1	6,0	6,0	6,0	6,1	6,1
Чехия	...	...	5,8	5,5	5,2	4,9	4,6	4,4	4,3

Table 8

Percentage of minors suspected of committing crimes in the total number of suspects (countries of the European part of the Eurasian continent) (%)

Countries	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Belarus	...	...	5.8	5.0	4.9	4.0	4.6	...	...
Belgium	9.0	8.6	8.6	7.6	6.8	6.7	6.8	7.0	...
Bulgaria	11.4	8.5	8.6	11.3	11.5	11.2	12.1	8.1	7.9
Germany	11.8	11.3	10.8	10.2	9.6	12.4	12.0	12.6	12.7
Greece	3.6	3.3	2.9	3.5	3.2	4.8	3.8	4.3	5.4
Spain	5.3	5.9	5.7	5.2	5.1	4.9	4.8	5.3	5.8
Latvia	8.7	7.6	5.9	7.3	7.3	7.2	5.5	5.6	6.0
Poland	10.1	9.8	9.9	9.5	8.8	5.8	4.8	4.0	4.2
Russia	8.6	7.0	6.5	6.3	5.9	6.0	5.4	5.2	4.8
France	17.7	18.3	18.9	17.7	17.5	17.6	17.1	17.2	17.7
Czech	7.1	6.0	4.9	4.5	3.0	3.6	3.5	3.3	2.7

Table 9

Percentage of juvenile offenders in the total number of offenders (countries of the European part of the Eurasian continent) (%)

Countries	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Belarus	...	...	5.8	5.0	4.9	4.0	4.6	...	...
Belgium	9.0	8.6	8.6	7.6	6.8	6.7	6.8	7.0	...
Bulgaria	11.4	8.5	8.6	11.3	11.5	11.2	12.1	8.1	7.9
Germany	11.8	11.3	10.8	10.2	9.6	12.4	12.0	12.6	12.7
Greece	3.6	3.3	2.9	3.5	3.2	4.8	3.8	4.3	5.4
Spain	5.3	5.9	5.7	5.2	5.1	4.9	4.8	5.3	5.8
Latvia	8.7	7.6	5.9	7.3	7.3	7.2	5.5	5.6	6.0
Poland	10.1	9.8	9.9	9.5	8.8	5.8	4.8	4.0	4.2
Russia	8.6	7.0	6.5	6.3	5.9	6.0	5.4	5.2	4.8
France	17.7	18.3	18.9	17.7	17.5	17.6	17.1	17.2	17.7
Czech	7.1	6.0	4.9	4.5	3.0	3.6	3.5	3.3	2.7

Table 10

Percentage of minors in the total population (the European part of the Eurasian continent) (%)

Countries	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Belarus	...	...	...	...	...	...	...	...	...
Belgium	...	...	6.0	5.9	5.8	5.7	5.6	5.6	...
Bulgaria	...	...	5.5	5.2	4.9	4.6	4.4	4.4	4.4
Germany	...	...	5.3	5.1	5.0	5.0	5.0	5.0	5.0
Greece	...	...	5.3	5.1	5.0	5.0	5.0	5.0	5.0
Spain	...	...	4.9	4.8	4.7	4.6	4.6	4.6	4.7
Latvia	...	...	6.4	5.9	5.4	4.9	4.6	4.4	4.4
Poland	...	...	6.6	6.3	6.0	5.8	5.6	5.3	5.2
Russia	8.4	7.7	7.0	6.8	6.3	5.9	5.8	5.6	5.5
France	...	...	6.2	6.1	6.0	6.0	6.0	6.1	6.1
Czech	...	...	5.8	5.5	5.2	4.9	4.6	4.4	4.3

Анализируя ситуацию с правонарушениями среди несовершеннолетних и молодежи в целом, можно заметить, что возрастная группа от 14 до 29 лет составляет стабильно половину как от выявляемых преступников, так и среди осужденных (см. табл. 11, 13). Столь же стабильно среди всех молодых правонарушителей несовершеннолетние преступившие закон составляют десятую часть, хотя судебная система более мягка по отношению к несовершеннолетним (см. табл. 12, 14). Вероятно, одной из причин увеличения практически вдвое совершаемых рецидивных преступлений молодежью в возрасте от 18 лет в РФ является именно мягкое отношение к несовершеннолетним правонарушителям, с одной стороны, а с другой – существующие проблемы в профилактической работе с группой риска (см. табл. 5).

На основании информации из официальных источников Республики Беларусь и РФ можно заключить, что убийства совершаются все реже как несовершеннолетними, так и мо-

лодежью в целом. Преступления сексуального характера совершаются все реже несовершеннолетними, но по-прежнему на долю молодежи приходится больше половины тех, кого признали виновными в данных преступлениях. Несовершеннолетние все реже совершают кражи и привлекаются к ответственности за данные преступления; примерно каждый десятый совершивший кражу и осужденный за кражу – это несовершеннолетний, однако за порогом зрелости их становится намного больше и составлять они начинают примерно половину от всех совершающих кражи. Ситуация относительно правонарушений, связанных с наркотическими и психотропными веществами, еще более интересна, поскольку несовершеннолетние практически не привлекаются (не больше 3 %) к ответственности за данные преступления, в то время как в целом молодежь составляет уверенно половину всех осужденных за эти преступления.

Таблица 11

Удельный вес выявленной молодежи (14–29 лет), совершившей преступления, от общего числа выявленных правонарушителей (Республика Беларусь и Россия), %

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Беларусь	...	...	...	48,9	48,1	47,7	45,8	45,7	...	...	...
Россия	55,6	53,5	51,3	50,3	49,4	48,0	46,9	45,0	42,9	41,7	38,9

Таблица 12

Удельный вес выявленных несовершеннолетних правонарушителей (14–17 лет) от числа выявленной молодежи (14–29 лет), совершившей преступления (Республика Беларусь и Россия), %

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Беларусь	...	...	...	10,8	10,3	10,3	8,8	9,6	...	...	...
Россия	18,0	16,1	13,7	13,0	12,8	12,3	12,8	12,0	12,1	11,5	11,3

Таблица 13

Удельный вес осужденной молодежи (14–29 лет) от общего числа осужденных (Республика Беларусь и Россия), %

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Беларусь	...	...	...	48,1	47,4	46,5	44,7	43,8	...	...	...
Россия	57,9	56,1	53,9	52,0	50,3	48,7	47,2	45,3	43,7	42,5	39,9

Таблица 14

Удельный вес осужденных несовершеннолетних (14–17 лет) от числа осужденной молодежи (14–29 лет) (Республика Беларусь и Россия), %

Страны	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Беларусь	...	...	...	6,8	7,7	5,9	5,8	5,1	...
Россия	15,6	14,1	11,7	10,7	9,7	9,1	8,4	7,2	7,1

Analyzing the situation with crimes among minors and young people in general, it can be noted that the age group from 14 to 29 years old constitutes half of the detected criminals, as well as among convicts (see Table 11, 13). Equally stable among all young offenders, juveniles who have transgressed the law make up a tenth part, although the judicial system is milder in relation to minors (see Table 12, 14). Probably, one of the reasons for the increase in almost doubled recidivism by young people aged 18 and over in the Russian Federation is precisely the soft attitude towards juvenile offenders, on the one hand, and on the other hand, the existing problems in preventive work with a risk group (see Table 5).

Based on the information from official sources of the Republic of Belarus and the Russian Federation, it can be concluded that murders are

being performed less and less often, both by minors and by young people in general. Sexual offenses are committed less often by minors, but still the proportion of young people accounts for more than half of those found guilty of these crimes. Minors are less likely to commit thefts and are held accountable for these crimes, approximately one in ten who committed the theft and was convicted of theft as a minor, but having crossed the maturity line, they make up about half of all those committing theft. The situation regarding offenses related to narcotic and psychotropic substances is even more interesting. Minors are practically not brought (no more than 3%) to responsibility for these crimes, while on the whole young people constitute confidently half of all those convicted of crimes associated with narcotic and psychotropic substances.

Table 11

Percentage of identified young people (14-29 years old) who committed crimes in the total number of identified offenders (Republic of Belarus and the Russian Federation) (%)

Countries	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Belarus	...	...	...	48.9	48.1	47.7	45.8	45.7	...	...	...
Russia	55.6	53.5	51.3	50.3	49.4	48.0	46.9	45.0	42.9	41.7	38.9

Table 12

Percentage of identified juvenile offenders (14-17 years old) in the number of identified young people (14-29 years old) who committed crimes (Republic of Belarus and the Russian Federation) (%)

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Belarus	...	...	...	10.8	10.3	10.3	8.8	9.6	...	...	...
Russia	18.0	16.1	13.7	13.0	12.8	12.3	12.8	12.0	12.1	11.5	11.3

Table 13

Percentage of convicted young people (14-29 years old) in the total number of convicts (Republic of Belarus and the Russian Federation) (%)

Countries	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Belarus	...	...	...	48.1	47.4	46.5	44.7	43.8	...	...	...
Russia	57.9	56.1	53.9	52.0	50.3	48.7	47.2	45.3	43.7	42.5	39.9

Table 14

Percentage of convicted minors (14-17 years old) in the number of convicted young people (14-29 years old) (Republic of Belarus and the Russian Federation) (%)

Countries	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Belarus	...	...	...	6.8	7.7	5.9	5.8	5.1	...
Russia	15.6	14.1	11.7	10.7	9.7	9.1	8.4	7.2	7.1

Таким образом, можно заметить, что молодежный социум серьезно представлен в преступлениях, относящихся к нарушению неприкосновенности собственности (кражи), носящих сексуальный характер и связанных с наркотическими и психотропными веществами, однако не находят в официальных данных отражение преступления, связанные с новой социальной действительностью, – цифровой и виртуальной реальностью.

Вероятно, преступления сексуального характера объясняются фактором возрастных особенностей, а их снижение может объясняться изменением в сторону большей свободы и раскрепощенности в сексуальных отношениях молодежи, в т. ч. несовершеннолетних. Хотя нарушение границ, установленных законом, в условиях «сексуальной свободы» косвенно указывает на сложности, которые испытывают молодые люди при выстраивании коммуникации; возможно, накладываются и «новые» культурные нормы поведения в этой сфере жизни человека, транслируемые благодаря массовой культуре и глобальной миграции.

Преступления относительно собственности, в частности кражи, показывают, что для современной молодежи материальные вещи являются большой ценностью. Но откуда берутся эти молодые люди в таком количестве, если несовершеннолетних, совершающих кражи, практически нет? Вероятно, мы сталкиваемся с ситуациями, когда либо дела остаются нераскрытыми, например мелкие кражи, что может говорить о латентном характере преступности – ввиду небольшого ущерба люди просто не заявляют, либо стороны «примиряются». Однако наступает ли у несовершеннолетнего действительное осознание недопустимости в дальнейшем подобных действий или он полагает, что если в следующий раз вновь попадет, то будет достаточно покаяться, ведь у него есть смягчающие его вину условия [12, pp. 41–44].

Преступления с наркотическими и психотропными веществами, возможно, составляют мостик между прошлой и современной социальной реальностью, поскольку очень многие современные люди находятся в состоянии хронического информационного стресса. Не секрет, что начинает он формироваться в послед-

нее время достаточно рано – к младшему подростковому возрасту (10–11 лет). Выход из стресса и напряженной реальности, которая не позволяет реализовать себя, быть таким, как хочется, для несовершеннолетних, как правило, связан, с одной стороны, с эскапизмом – «уходом от реальности» – в алкоголь, наркотики, виртуальную реальность, потусторонний мир. С другой – опять-таки оказывает влияние массовая культура, транслирующая неокрепшим умам модели поведения, которые связаны с экстремальностью поведения, переживанием острых ощущений. Именно экстремальное поведение, бросающее вызов пугающей реальности, и позволяет молодому человеку утвердить себя как ловкого, неуязвимого в глазах таких же обитателей виртуальной реальности. Это поведение с демонстрацией своих приключений и суперспособностей является компенсаторным проявлением, защитными психологическими реакциями на все усложняющиеся социокультурные условия жизни. Оказывает свое влияние и глобализация, стирающая границы между культурами и вносящая в качестве нормы чужие традиции, в том числе и употребление наркотических и психотропных веществ, для развития собственной личности.

Молодые люди, начиная со становления индустриального общества, хотят самоутвердиться и почувствовать себя взрослыми, хотят, чтобы окружающие их таковыми считали. Вместе с тем они все чаще оказываются в ситуации, когда их возвращают в условия возраста незрелости – детства. Сегодня мы сталкиваемся с непрекращающейся практикой расширения границ детства. Так, по современной классификации ВОЗ, период детства укладывается в диапазон до 25 лет, а собственно молодость продлевается до возраста в 44 года. По данным Росстата мы можем проследить, что к середине XX века в РСФСР на период молодости, т. е. до признания зрелости человека, приходилось порядка 36 % жизненного цикла. Во 2-й половине XX века этот период уже достигал 51 % жизненного времени, а в настоящее время он составляет 62 %. Все это находит свое отражение и в вопросах определения юридической границы возраста, связанного с социальной зрелостью [12, pp. 131–132; 22, pp. 22–23]. Этот процесс сопровождается ощутимыми социаль-

Thus, one can see that young people are seriously represented in crimes related to the violation of property (theft), sexual crimes, and those related to narcotic and psychotropic substances, but there are no official data reflecting crimes associated with new social realities – digital and virtual reality.

It is likely that crimes of sexual nature are explained by age characteristics, and their reduction may be explained by a change in the direction of greater freedom and emancipation in sexual relations not only of young people but also of minors. Though violation of the boundaries established by law, in the context of 'sexual freedom', indirectly indicates the difficulties that young people experience in building communication, it is possible that 'new' cultural norms of behavior in this area of human life, broadcasted through mass culture and global migration, are imposed.

Crimes in relation to property, particularly theft, show that for modern youth material things are of great value. But why so many young people commit theft if there are practically no minors who do it? Probably, we are confronted with situations when cases remain unsolved or that may reflect a latent state of crime – due to a small damage the people simply do not declare or the parties are 'reconciled'. However, does the minor really become aware of the inadmissibility of such actions in the future or does he believe that if he commits crime again, it will be enough for him to repent because he has conditions softening his guilt [12, pp. 41–44].

Crimes with narcotic and psychotropic substances may constitute a bridge between the past and the modern social reality, since so many modern people are in a state of chronic informational stress. No secret that it is beginning to form quite early – in the younger adolescence (10-11 years old). The way out of stress and tense reality, which

does not allow one to realize oneself to be as you like, for minors, as a rule, is associated, on the one hand, with escapism – 'escape from reality' – into alcohol, drugs, virtual reality, the other world. On the other hand, mass culture influences young people, transmitting behavioral patterns, which are associated with extreme behavior, experiencing thrills. It is the extreme behavior that challenges the frightening reality and allows a young person to affirm themselves as deft, invulnerable in the eyes of the same inhabitants of virtual reality. This phenomenon, with a demonstration of its adventures and power abilities, is a compensatory manifestation of defensive psychological reactions to increasingly complex socio-cultural living conditions. Globalization also has its influence, erasing the boundaries between cultures and introducing other people's traditions as norms, including the use of narcotic and psychotropic substances for self-development.

Young people, starting with establishment of the industrial society, want to assert themselves and feel like adults, they want others to consider them as such. At the same time, they are increasingly confronted with the situation when they are returned to conditions of immaturity and childhood. We can recall the unceasing expansion of the boundaries of childhood. So, according to the modern WHO classification, the childhood period fits into the range up to 25 years old, and the youth itself is extended to the age of 44. According to Rosstat, we can trace that by the middle of the twentieth century in the RSFSR the period of youth, i.e. before recognition of human maturity, is about 36% of the life cycle. In the second half of the 20th century, this period already reached 51% of life time, and now it is 62%. It finds its reflection in the issues of determining the legal limit of age associated with social maturity [12, pp. 131–132; 22, pp. 22–23]. This process is accompanied

ными последствиями, в частности, связанными с противостоянием группы взрослых и группы «взрослых детей». «Взрослые дети» должны делать то, что нужно, по мнению взрослых, но это, как правило, не очень согласуется с собственным желанием совершать эти действия у самих молодых людей, а совершать они должны эти действия только потому, что они «большие». Вместе с тем они не могут делать многое из того, что, как правило, желаемо и привлекательно для молодых людей, но не одобряемо взрослыми, по причине неразумности «взрослых детей», они еще маленькие для подобных действий. Все это создает у молодых людей потребность искать выход, который под влиянием целого ряда факторов носит ярко выраженный эмоциональный характер и проявляется в бунтарстве и протестах.

Молодые люди активно вовлекаются в общественно-политические процессы [18; 19, p. 135], что в принципе характерно для всех исторических периодов и обществ обозримого прошлого – именно со студенческой молодежью связывается большая часть революционных событий (например, в России начала XX века, Украине 2013 года и др.). Молодежь по своим социальным особенностям является самой авангардной группой в любом обществе. Она ориентирована на будущее, ее не тяготят воспоминания и рефлексия относительно прошлого опыта, она легко впитывает все новое, поскольку отсутствуют факторы, тормозящие или препятствующие восприятию новых идей, технологий и многого другого.

Молодежь по своей психологической природе категорична, ей свойственен «юношеский максимализм», проявляющийся в контрастном (черно-белом) восприятии всего происходящего, как в личной, так и общественной жизни. Вместе с тем молодежь характеризуется определенной степенью инфантильности, ей не свойственно задумываться о последствиях тех или иных собственных действий, что проявляется в сниженной мере ответственности за последствия собственных поступков [10, pp. 3–4, 17; 13, pp. 8–9]. Ответственность ощущается молодыми людьми, как правило, *post factum*. По этой причине именно на молодых людей направлена агитация и пропаганда, вовлекающая их в разнообразные экстремистские и радикальные движения.

В связи с этим важно задаться вопросом реальной социальной работы, как на общественном, так и государственном уровнях, с молодежью, и особенно несовершеннолетними, с целью первичной превенции девиантного поведения среди этих возрастных групп. Молодые люди в силу своих психофизиологических и возрастных, а в последнее время и социокультурных особенностей становятся легкой добычей разного рода криминальных рекрутеров [22, p. 23].

Состояние правовой системы как института профилактики и контроля за деструктивным поведением

В постфигуративном обществе молодежь как социально-демографическая группа не выделялась. В сохранившихся до XIX века родоплеменных обществах мы, собственно, и видим наличие только двух социально-демографических групп – «дети» и «зрелые/взрослые» люди. В нем существует соответствующее разделение и в оценках поведения и действий, применяемых к каждой из этих социально-демографических групп. Так, став взрослыми, в результате успешного прохождения инициации, все члены общества следовали единым нормам и правилам, в том числе подвергались и санкциям, которые не распространялись на детей – незрелых членов общества.

Однако изменения в социальной системе приводят к формированию и развитию социальной группы молодежь как обособленного элемента социальной системы, оказавшейся между традиционными группами «дети» и «взрослые», которая характеризуется и специфичным, обособленным социальным положением. Они уже не дети, но еще и не взрослые/зрелые люди, и это привело к необходимости определения нормативных границ и санкций, которые могли бы применяться к этой социально-демографической группе. Однако сформировавшийся к настоящему времени нормативно-оценочный подход к ней оказался столь же противоречивым, как и само положение этой группы. Ее рассматривают либо с позиции «еще не зрелые люди», следовательно, они еще «дети». Либо исходят из позиции – они «уже не дети», следовательно, они «взрослые».

by tangible social consequences, in particular related to the opposition of the group of adults and the group of 'adult children'. 'Adult children' should do what is necessary, in the opinion of adults, but this, as a rule, does not really arouse their own desire to perform these actions among young people themselves, but they should only perform these actions because they are big. At the same time, they cannot do much of what is generally desirable and attractive for young people but not approved by adults because of the unreasonableness of 'adult children', they are still small for such actions. All this creates in young people the need to find a way out, which, under the influence of a number of factors, is of a pronounced emotional nature and manifests itself in rebellions and protests.

Young people are actively involved in socio-political processes [18; 19, p. 135], which is typical for all historical periods and societies of the foreseeable past – most of the revolutionary events are associated with student youth (for example, events in Russia at the beginning of the 20th century, the Ukraine in 2013, etc.). Young people in their social characteristics are the most avant-garde group in any society. They are focused on the future, they have no memory of the past experience, they easily absorb everything new, since there are no factors hindering their perception of new ideas, technologies and much more.

By their psychological nature, young people are categorical, they are characterized by 'youthful maximalism', manifested in a contrasting (black-and-white) perception of everything that happens, both in personal and public life. At the same time, young people are characterized by a certain degree of infantilism, in particular, they are not willing to think about the consequences of their own actions, which manifests itself in a reduced degree of responsibility for these consequences [10, pp. 3–4, 17; 13, pp. 8–9]. Responsibility is felt by young people, as a rule, *post factum*. For this reason, agitation and propaganda are directed specifically at young people, involving them in various extremist and radical movements.

In this regard, it is important to raise the question of real social work, both at the public and state levels, with young people and especially minors, with the aim of primary prevention of deviant behavior among these age groups. Young people, due to their psychophysiological, age-related, and, more recently, sociocultural features, have become easy prey for all sorts of criminal recruiters [22, p. 23].

The State of The Legal System as an Institution of Prevention and Control over Destructive Behavior

In the postfigurative society, the socio-demographic group of young people did not stand out in a special social education. In the tribal societies that survived until the 19th century, we actually see the presence of only two socio-demographic groups – 'children' and 'mature / adult' people. There is a corresponding division in the assessments of behavior and actions applied to each of these socio-demographic groups. As a result of successful initiation, all members of the society followed uniform norms and rules, including sanctions that were not applied to children – not mature members of society.

However, changes in the social system lead to formation and development of the social group 'young people'. As a separate element of the social system, it turned out to be between the traditional groups 'children' and 'adults', characterized by a specific, separate social position. They are no longer children but still not adults / mature people, and this has led to the need for distinguishing regulatory boundaries and sanctions that could be applied to this socio-demographic group. However, the normative-evaluative approach that has emerged so far has turned out to be as contradictory as the position of this group itself. It is considered either from the position of 'not yet mature people', therefore, they are still 'children'. If it comes to the position – they are 'no longer children', therefore, they are 'adults'.

Это противоречие, заложенное в правовой системе большинства современных обществ, и оказывает дестабилизирующее влияние на всю социальную систему, поскольку вызывает к жизни активное проявление девиантности именно в молодежной среде, и все чаще это девиантное поведение может быть определено как деструктивное.

Но чем конкретно для правовой системы отличались «дети» и «зрелые/взрослые»? В первую очередь разделением и характером прав – обязанностей – ответственности. Для детей во все времена и у всех народов был характерен минимальный набор, который увеличивался, но по мере их приближения к группе «взрослые / зрелые».

Во-вторых, характером и степенью строгости отношения и оценки со стороны правовой системы к факту нарушений существующих социальных норм и правил. Здесь мы, как правило, видим более снисходительное отношение к «детям», поскольку они еще недостаточно сформировались (физически, психологически, морально-нравственно и т. д.) для выполнения обязанностей.

При этом в родоплеменных обществах человек становился взрослым не по факту биологического возраста, а по факту именно зрелости (вкупе физической, психологической, морально-нравственной и т. д.), что определялось в ходе «сдачи экзамена на зрелость» – прохождения обряда инициации. В этой общественной системе все было достаточно «просто» – ты либо ребенок, либо взрослый. Здесь можно было встретить по биологическому возрасту ребенка в стане «взрослых», но никто не считал его ребенком и не делал поблажек ввиду его биологического возраста. Были и обратные ситуации, когда люди, достигшие биологического возраста зрелости / взрослости, оставались в стане «детей» и никто в общине не воспринимал их зрелыми / взрослыми людьми, несмотря на их биологический возраст. Это собственно первичные критерии для определения «дееспособности».

В современных типах общества ситуация начала меняться, так как формирование прослойки, а в последующем и самостоятельной социально-демографической группы затрудняет традиционное для системы префигуративного общества восприятие дееспособности и со-

ответственно исполнение правовой системой функций контроля и наказания. Проявляется это в неоднозначности отношения как «взрослых» к «детям», так и наоборот.

Вспомним, что эта новая социально-демографическая группа постоянно изменяет свои границы, как в целом, так и в отдельных сферах (например, образовательной, трудовой, политической) жизнедеятельности социальной системы. Как правило, в современном мире принято к молодежи относить возрастную группу от 14–16 лет до 25–30 лет.

Вместе с тем важно отметить неоднозначность нижней возрастной границы, которая связывается с возрастом социальной зрелости и, соответственно, дееспособности, в разных странах возраст совершеннолетия связывается с возрастным диапазоном от 14 лет до 21 года. Однако возраст частичной дееспособности, как правило, наступает несколько раньше. Так, по трудовому законодательству РФ, человек может начать трудиться с 14 лет. В целом ряде стран возраст частичной дееспособности установлен на уровне 14–15 лет, что находит свое отражение в возрасте наступления уголовной ответственности за совершаемые противоправные деяния, хотя он может быть и не закреплен, как, например, в африканских странах, где возможно привлечение к ответственности и в 8 лет [12, pp. 131–132].

Итак, правовая система современного мира разрывается между двумя позициями [22, p. 23] по отношению к тем, кто стал частично дееспособным:

- 1) они уже большие и должны нести полную ответственность и выполнять обязанности в полном объеме;
- 2) они еще маленькие, их нужно учить их правам, защищать их права, а нести полную ответственность они еще малы, как и исполнять обязанности.

На наш взгляд, обе эти позиции ущербны и способствуют росту деструктивных моделей поведения в обществе. Сторонники первой позиции частичную дееспособность рассматривают под углом категоричного «они обязаны и должны», что вызывает к жизни протестные движения, которые, как правило, нацелены на пересмотр молодыми людьми ценностных ориентиров общества. При этом они полагают, что ценности «взрослых», которые начинают вос-

This contradiction, inherent in the legal system of most modern societies, has a destabilizing effect on the entire social system, since it brings to life an active manifestation of deviance in the youth environment, and, increasingly, this deviant behavior can be defined as destructive.

But what is the specific difference for the legal system between ‘children’ and ‘mature / adults’? In the first place, the division and nature of rights-responsibilities. For children at all times and among all nations there was a minimal set that increased as they approached the group of ‘adults / mature’.

Secondly, the nature and the degree of severity of attitude and assessment by the legal system to the fact of violations of social norms and rules. Here, as a rule, we see a more lenient attitude towards ‘children’, since they have not yet been sufficiently formed (physically, psychologically, morally, etc.) to fulfill their duties.

At the same time, in tribal societies a person became an adult not by the fact of biological age but by the fact of maturity (altogether with physical, psychological, moral maturity, etc.), which was determined during the ‘maturity test’ – the passage of the initiation ceremony. In this social system, everything was easy enough whether you were a child or an adult. It was possible to meet a biological child among ‘adults’, but no one considered him a child and did not make concessions regarding his biological age. There were also reverse situations where people who had reached the biological age of maturity / adulthood remained in the camp of ‘children’ and no one in the community perceived them as mature / adults, despite their biological age. These are the primary criteria for determining ‘legal capacity’.

In modern types of society, the situation has begun to change, since the formation of a stratum, and subsequently an independent socio-demographic group, makes it difficult for the system of prefigurative society to perceive their capacity and, accordingly, the legal system to per-

form functions of control and punishment. This manifests itself in ambiguity in the relationship of ‘adults’ to ‘children’ and vice versa.

Notable that this new socio-demographic group is constantly changing its borders, both as a whole and in certain areas, for example, educational, labor, political activity of the social system. As a rule, in the modern world, it is customary to attribute the age group from 14–16 to 25–30 to young people.

At the same time, it is important to note the ambiguity of the lower age limit, which is associated with the age of social maturity and, accordingly, legal capacity. In different countries the age of majority is associated with the age range from 14 to 21. However, the age of partial legal capacity, as a rule, comes a little earlier, so, according to the labor legislation of the Russian Federation, a person can start working at the age of 14. In a number of countries, the age of partial legal capacity is 14–15 years old, which is reflected at the age of criminal responsibility for unlawful acts, although it may not be fixed, such as in African countries where it is possible to prosecute 8-year-old children [12, pp. 131–132].

Thus, the legal system of the modern world is torn between two positions and [22, p. 23] in relation to those who have become partially capable:

- 1) they are already big and must bear full responsibility and carry out duties in full;
- 2) they are still small and they need to be taught their rights, how to protect their rights, but they are too small to bear full responsibility, as well as perform duties.

Both these positions seem to be flawed and contributing to the growth of destructive patterns of behavior in society. Supporters of the first position consider partial legal capacity under the categorical angle of ‘they must’, which brings to life protest movements, which, as a rule, aim at revising the values of society by young people. In doing so, they believe that the values of ‘adults’

приниматься как «враги»/аутгруппа, навязывающие им свои взгляды, не имеют ничего общего с правильным восприятием жизни и реальности. В результате такого протеста формируются именно деструктивные модели поведения (например, хиппи). Акцент в них делается, как правило, на расширении прав и свобод, при этом «я имею право» приравнивается и, редуцируясь, сводится к «я могу». Как следствие, мы видим рост «взрослого поведения», того, что, как правило, запрещается детям: алкоголизма, наркомании, табакокурения, сексуальной распрошенности и свободы (которая доходит до распущенности), экстремистских движений, суицидальных попыток и собственно суицидов, а также многих других деструктивных проявлений в поведении именно этой части молодежи.

И здесь представители другой группы – «взрослых» могут почувствовать себя удовлетворенными: «Мы являемся истинными борцами с деструктивными моделями поведения в молодежной среде, мы борцы за снижение социальной напряженности в обществе». Однако и они причастны к формированию и росту деструктивного поведения части молодежи, поскольку, делая акцент на их «правах» и попытке «защитить», доводят ситуацию до нарушения прав других, в т. ч. «взрослых».

Молодой человек, уверившись, что ему все должны, не задумывается о своих обязанностях, ведь не звучит «я должен», вокруг говорят, что у него есть права, а значит, «мне должны». Поскольку у молодого человека в этом подходе редуцированы обязанности, следовательно, не может идти и речи о его ответственности за собственные действия. И мы видим рост деструктивных форм поведения – буллинг, хулиганство и иные правонарушения, которые, как правило, связаны с конструктом «мне надо», «я хочу». Здесь мы сталкиваемся с аналогичными моделями и формами деструктивного поведения, вызваны они к жизни доминированием гедонистических и потребительских установок. Но, став взрослым, достигнув возраста совершеннолетия и, соответственно, полной дееспособности, он будет подвергаться наказанию, без каких либо смягчений, не только за действия, но и за бездействие, например в ситуации «оставление в опасности».

Результаты / обсуждение

Рассмотренные ранее фактологические данные, демонстрирующие отсутствие прямой зависимости между уровнем преступности в среде несовершеннолетних и совершеннолетних молодых людей, позволяют нам говорить о том, что правовая система современных обществ недостаточно отрегулирована и поэтому сама способна провоцировать и продуцировать деструктивность в обществе в целом и молодежной среде в частности.

Современное общество пытается само себя обмануть, оно закрывает глаза на существующие факты и отрицает их, а вместе с тем очень негодует по поводу роста преступности в обществе, причем не просто роста, а ее неуправляемости.

Именно в этом направлении важно организовывать полноценную структуру профилактической работы, начав с первичной профилактики. Исследователи отмечают, что студенческая молодежь все более становится готовой «преступать правовые и нравственные запреты, если того потребуют их личные интересы и потребности» [5, с. 124]. Понято, что проводить первичную профилактику среди студенческой молодежи уже слишком поздно. Это нельзя отнести к проблеме правовой системы в полной мере, поскольку это пограничная территория с институтом образования. Современная система образования стремительно уходит от воспитательной работы, которая и должна, собственно, включать аспекты первичной превенции деструктивного поведения. Учреждения образования, несмотря на номинально обозначенную в законе «Об образовании в Российской Федерации» воспитательную функцию, практически ее не выполняют, подменяя целостный образовательный процесс, подразумевающий под процессом обучения и воспитание.

Правоохранительные органы, в лице участковых уполномоченных, совместно с администрацией образовательного учреждения (вуза) могли бы организовывать работу по вторичной профилактике [5, с. 125]. Несмотря на наличие нормативно-правовой базы, которая указывает на вероятность подобного межведомственного взаимодействия, начиная с Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонаруше-

who are beginning to be perceived as ‘enemies’ imposing their views on them have nothing to do with the correct perception of life and reality. As a result, it is destructive patterns of behavior (for example, hippies) that unfold during the protest. The emphasis in them, as a rule, is on expansion of rights and freedoms, while ‘I have the right’ is equated and, being reduced, comes to ‘I can’. As a consequence, we see an increase in ‘adult behavior’, something that is usually forbidden to children: alcoholism, drug addiction, smoking, sexual gain and freedom (which comes to licentiousness), extremist movements, suicidal attempts, and suicides among this part of the youth, as well as many other destructive manifestations in the behavior of young people.

And here representatives of the other group of ‘adults’ may begin to rejoice: ‘now we are true fighters with destructive behavioral models among the youth, we are fighters for reducing social tension in society’. However, they also lay their hands on formation and growth of destructive behavior among young people, since by placing emphasis on ‘rights’ and trying to ‘protect’ them by all means, bring the situation to a violation of the rights of people who are around the young people.

A young person with a fix idea in their head that ‘everyone owes them’ does not think about their duties. They do not think ‘I owe’ because someone says around them that they have rights, which means ‘they owe me’. Since a young person in this approach has reduced duties, therefore, there can be no talk of a young person’s responsibility for their own actions. And here again we see growth of destructive forms of behavior – bullying, hooliganism, and other offenses, which, as a rule, are connected with the construct ‘I need’, ‘I want’. Here one is faced with similar models and forms of destructive behavior, but they are caused by domination of medical and consumer attitudes. However, when a person becomes an adult, having reached the age of majority and, accordingly, attaining full legal capacity, they will be punished without mitigation not only for actions but also for inaction, for example, ‘leaving in danger’.

Results / Discussion

The factual data considered above and demonstrating the absence of a direct relationship between the level of crime among minors and adult young people allow us to say that the legal system of modern societies is not sufficiently regulated and for this reason is capable of provoking and producing destructiveness in society as a whole and in the youth environment in particular.

Modern society is trying to deceive itself, it closes its eyes to the existing facts and denies them, and at the same time it is very indignant about the growth of crime in society, and not just growth but its uncontrollability.

It is in this situation that it is important to organize a full-fledged structure of preventive work, starting with primary prevention. The researchers note that student youth is becoming more and more ready to ‘break the legal and moral prohibitions if their personal interests and needs require it’ [5, p. 124], but it is too late to carry out primary prevention among student youth. This cannot be attributed to the problem of the legal system in full, since it is a border area with an institute of education. The modern education system is rapidly moving away from execution of the educational function, which should actually include aspects of the primary prevention of destructive behavior. Educational institutions, in spite of the educational function nominally designated in the law ‘On Education of the Russian Federation’, practically do not fulfill it, replacing the integral educational process, which also implies education by the learning process.

Law enforcement agencies represented by district commissioners together with the administration of an educational institution (university) could organize work on secondary prevention [5, p. 125]. Despite the existence of a regulatory framework that indicates the likelihood of such interdepartmental cooperation, starting with 120-FZ ‘On the Fundamentals of the System for Preventing Neglect and Juvenile

ний несовершеннолетних», на практике выясняется, что нет нормативной базы, которая бы регулировала эти межведомственные отношения. Другим недостатком является отсутствие четких критериев оценки: как организована и проведена работа – формально или у нее есть фактический результат.

Хочется присоединиться и поддержать исследователей, которые ратуют за идеи проведения мониторинга, уточняя, что требуется не просто мониторинг криминальной ситуации в вузах страны, необходима системная и комплексная диагностика ситуации начиная с несовершеннолетних, в период их недееспособности, в том числе и с позиции уголовного и административного права. Все это позволит своевременно планировать и организовывать эффективные превентивные мероприятия по формированию ценностно-нормативных ориентиров у подрастающего поколения.

В другом исследовании акцентируется внимание на насилии в более ранний период, в рамках школьной среды. Здесь отмечается высокий уровень латентной противоправной деятельности, до правоохранительных органов доходит информация не более чем о 18 % случаев [2, с. 80]. Е. В. Грибанов считает, что «насилие выступает следствием обостряющихся противоречий общественного развития» [2, с. 79]. Но списывать все только на противоречия общественного развития не очень корректно, поскольку мы наблюдаем состояние аномии, усиленное разрывом между процессами развития социальной системы и адаптации к ней акторов. Этот разрыв вызывает к жизни состояние стресса, а следовательно, и все возрастающее эмоциональное напряжение, которое не имеет регламентированных механизмов снятия, что, собственно, и приводит к неконтролируемому эмоциональному выплеску.

Важно заметить, что в состоянии постоянно усиливающегося стресса люди не просто более эмоциональны, они чаще начинают испытывать отрицательные эмоции, которые и выливаются в деструктивные социальные действия [19, р. 122]. Это и является начальной точкой, индуцирующей деструктивный сигнал во всех направлениях и ко всем, особенно к несовершеннолетним, которые вдобавок к этому характеризуются возрастной спецификой вос-

приятия времени и социального пространства и отношения к ним.

В связи со всем вышесказанным возникает вопрос о корректности утверждений о том, что современные несовершеннолетние подвержены немотивированной жестокости, поскольку находятся в информационном потоке, который достаточно массированно транслирует деструктивные модели поведения, воспринимаемые ими в качестве нормы, т. е. нормативной составляющей этого общества. Важно понимать и выделять не только внешние, но и внутренние факторы криминализации несовершеннолетних. Так, в качестве другой значимой составляющей агрессивности подростков можно назвать их социокультурную особенность – стремление изменить, и как можно скорее, свой социальный статус, перейти из состояния «детей» в состояние «взрослых». Однако общество, стремясь в гуманном порыве заботиться о правах и интересах детей, забывает вести с ними речь об их обязанностях и ответственности, тем самым создавая ситуацию, когда несовершеннолетние доказывают свою зрелость инфантильными способами – посредством пьянства, наркотиков, демонстрации силы и бесстрашия («могу делать все, что хочу, – грабить, избивать, убивать»). Именно в этот период возникает самое страшное – обезличивание действий, связанное с бесчувствием и циничностью акторов [16, р. 420]. В этом случае мы должны вести речь однозначно о мотивированном поведении и мотивированной жестокости – с целью достижения высокого социального статуса и социального успеха любыми средствами.

Очень часто, говоря об организации превентивной работы в подростковой среде, делают упор на организации их в формальные группы. Представители правовой и образовательной систем почему-то забывают, что эта возрастная группа по своим психологическим и социокультурным особенностям в большей степени ориентирована на неформальные группы и отношения, что очень хорошо используется деструктивными группами [1, с. 27–30]. Именно неформальные группы позволяют им в протестном порыве, с одной стороны, обособиться от взрослых, которые не принимают их в свой круг, не признают как взрослых, а с другой – разорвать социальные узы с младшей группой несовершеннолетних и обрести свою

Delinquency», in practice it turns out that there is no regulatory framework that would regulate these interdepartmental relations. Another disadvantage is the lack of clear assessment criteria, how the work itself is organized and carried out – formally carried out or it has a tangible result.

It is necessary to join and support researchers who advocate ideas for monitoring, although specifying that not only monitoring of the criminal situation in higher educational institutions of the country is required. Systematic and comprehensive diagnosis of the situation is necessary, starting with minors during their incapacity, from the perspective of criminal and administrative law. All this will allow for timely planning and organizing effective preventive measures to form value-normative guidelines for the younger generation.

Another study focuses on violence in an earlier period within the school environment. Here, a high level of latent unlawful activity is noted, information about no more than 18% of cases reaches the prosecuting authorities [2, p. 80]. Griбанov E.V. believes that ‘violence is a consequence of the escalating contradictions of social development’ [2, p. 79]. However, it is not quite correct to blame only contradictions of the social development for everything, since we see not just the state of anomie but that intensified by the gap between the processes of social system development and adaptation of actors to it. This gap brings to life a state of stress, and, consequently, an ever-increasing emotional stress, which has no regulated removal mechanisms, leading in fact to an uncontrollable emotional outburst.

It is important to note that in a state of constantly increasing stress, people are not just more emotional, they often begin to experience negative emotions translating into destructive social actions [19, p. 122]. This is the starting point for inducing a destructive signal in all directions and to all, especially to minors, who in addition to this are characterized by the age specificity of the perception

of time and social space and attitudes towards them.

In connection with all the above, the question arises about correctness of the allegations that modern minors are subject to unmotivated cruelty, because they are in the information flow that rather massively broadcasts destructive behavioral patterns that they perceive as the norm, i.e. normative component of this society. It is important to understand and highlight not only external but also internal factors of criminalization of minors, as well as another significant component of adolescent aggressiveness – the desire to change their social status as soon as possible, to move from the state of ‘children’ to the state of ‘adults’. However, the society, striving to take care of the rights and interests of children in a humane rush, forgets to talk with them about their duties and responsibilities, thereby creating a situation where minors prove their maturity in infantile ways – drunkenness, drugs, demonstration of strength and fearlessness (‘I can do all I want – rob, beat, kill’). It is during this period that the most terrible occurs – depersonalization of actions associated with the insensitivity and cynicism of the actors [16, p. 420]. In this case, we must speak unequivocally about motivated behavior and motivated cruelty in order to achieve high social status and social success by any means.

Quite often, when speaking about organization of preventive work in the adolescent environment, they focus on organizing young people into formal groups. For some reason, representatives of the legal educational system forget that this age group is more focused on informal groups and relationships in its psychological and socio-cultural characteristics, which is very well used by destructive groups [1, pp. 27-30]. It is informal groups that allow them to stand apart from adults who do not accept them as adults, do not recognize them as adults, and on the other hand, break social ties with the younger group of minors

собственную социальную идентичность. Они во все обозримые исторические времена стремятся создавать свой собственный мир, в котором все (правила, ценности, нормы) устроено так, как хотят и считают правильным сами подростки. Однако неверно считать этот феномен деструктивным, полярное значение этих групп может быть по отношению к обществу и его нормативной системе как положительным, так и отрицательным, в зависимости от того, как общество, в лице окружающих взрослых, воспринимается подростками, какие отношения между ними сложились к этому периоду.

Конструктивные неформальные группы получают свое становление, в случае если молодые люди доказывают и взрослым и более младшим товарищам свою зрелость, как возможность и способность выполнять в полной мере обязанности в социуме, а также нести за свои действия ответственность наряду с формированием системы внутреннего самоконтроля.

Деструктивными неформальные группы, как правило, становятся, когда несовершеннолетние не способны выполнять обязанности и нести ответственность, как того требует объективная социальная реальность, при этом молодые люди очень хотят получить заветный статус. В этом случае они вычлениают для идентификации в своем окружении тех взрослых, которые асоциально или даже антисоциально относятся к обществу, в котором они живут. Они инфантильно полагают: чтобы стать взрослым, достаточно выполнить определенный ритуал, например выпить, продемонстрировать свою силу (неважно, что на тех, кто слабее и заведомо не сможет ответить). Они пытаются доказать окружающим, но в первую очередь себе (в отличие от конструктивной группы), убедить себя, в том, что они перешли рубеж, разделяющий детей и взрослых. Происходит это вследствие того, что у них, как правило, фиксируется неадекватный уровень самооценки – низкий или нереалистично высокий, последний заставляет их часто оказываться и переживать фрустрирующие ситуации неудач.

Однако мы считаем, что ситуация начинает складываться и формироваться намного раньше, задолго до возраста уголовной или административной ответственности. Это очень важный момент, поскольку возникает вопрос: откуда берутся стойкие рецидивисты в возрастной

группе 16–17 лет или возрастном периоде с 18 до 30 лет, если с 14–15-летними было все так хорошо. Аналогичный вопрос возникает и при рассмотрении групп 14-15-летних и не достигших 14-летнего возраста.

Видно, что существующая профилактическая работа в принципе малоэффективна. Во-первых, по причине того, что мы начинаем работать по возникшему факту, а требуется организация работы превентивного характера и с более ранними возрастными группами. Во-вторых, по причине слабого мониторинга реальной ситуации в обществе и научной поддержки принимаемых политических решений относительно:

- ситуации собственно с девиантным поведением несовершеннолетних,
- систематического анализа и воздействия на внешние факторы, способствующие развитию личности несовершеннолетнего в целом и его девиантности и деструктивности в частности,
- требующихся, имеющихся и направляющих ресурсов общества и государства (на разных уровнях) на социализацию подрастающего поколения.

При определении мер воздействия относительно девиантного поведения в правовой системе можно выделить два подхода:

- *борьба с ожидаемыми угрозами*. В этом аспекте можно видеть существенное проявление иррациональности, поскольку, как следствие, возникает ситуация «проживания» вариативных/параллельных реальностей, с пониманием возможных рисков и переживанием множества опасений.

Этот подход связан с генерацией в обществе импульсов угрозы/опасности/риска, которые запускают защитные реакции на уровне как отдельного человека, так и сообщества. При этом додумываются вероятные угрозы и, в стремлении их избежать, продуцируются действия, которые являются реальной угрозой для других (по принципу сицилийской защиты);

- *поддержание в социальной системе порядка* (понятности, предсказуемости, ожидаемости).

Этот подход связан с минимизацией иррационального компонента в оценке ситуации и перспектив ее дальнейшего развития. Вследствие этого существенно снижается риск эмоционального заражения «страхами» и формируется

and gain their own social identity. In all foreseeable historical times, they strive to create their own world in which everything (rules, values, norms) is arranged in the way that adolescents themselves want and think is right. However, it is wrong to consider this phenomenon as destructive, the polar significance of these groups can be both positive and negative in relation to society and its regulatory system, depending on how the society, in the face of surrounding adults, is perceived by adolescents, what kind of relationship between them are developed for this period.

Constructive informal groups receive their formation if young people prove both adult and younger comrades their maturity, as the ability to fulfill their responsibilities towards others, and also to take responsibility for their actions and to a greater extent with formation of internal self-control systems.

Informal groups, as a rule, become destructive when minors are not able to carry out duties and bear responsibility, as required by objective social reality, while young people are very eager to obtain the cherished status. In this case, they identify other adults in their environment – asocially or even antisocially related to the society they live in. They believe that the main thing is to become an adult, to perform a certain ritual, for example, to drink, to demonstrate their strength. They are trying to prove to others but first of all to themselves (as opposed to the constructive group), to convince themselves that they have crossed the line separating children and adults. This is due to the fact that, as a rule, they have an inadequate level of self-esteem – low or unrealistically high, which causes them to experience frustrating failures.

However, we believe that the situation begins to take shape and form much earlier, long before the age of criminal or administrative responsibility. This is quite an important point because there arises a question: where do the persistent recidivists come from in the age group of 16-17 or the age period from 18 to 30 if everything was so good

with 14-15-year-old teenagers? A similar question arises when considering the groups of 14-15-year-olds and those under 14.

It turns out that the existing preventive work is actually ineffective. Firstly, for the reason that we start work following the fact that has occurred, while it is necessary to organize work of a preventive nature and with groups of younger ages. Secondly, due to poor monitoring of the real situation in society and scientific support for political decisions taken regarding:

- the situation with actual deviant behavior of minors;
- systematic analysis and impact on external factors contributing to the development of the personality of the minor in general and his deviance and destructiveness in particular;
- the required and available resources of society and the state (at different levels) for socialization of the younger generation.

In determining the measures of influence on deviant behavior in the legal system, two approaches can be distinguished:

- *combating expected threats*. In this aspect, one can see a significant manifestation of irrationality, since ‘knowledge multiplies sadness’, as a result, a situation of ‘living’ of variable / parallel realities arises, with understanding of possible risks and experiencing a multitude of fears.

This approach is associated with the generation of threat / danger / risk impulses in a society that trigger defensive reactions both at the level of an individual and the community. They conceive possible threats and, trying to avoid them, produce actions that are a real threat to others (according to the principle ‘the best defense is attack’).

- *maintaining the order in the social system* (clarity, predictability, expectation).

This approach is associated with minimization of the irrational component in assessing the situation and the prospects for its further development. As a result, the risk of emotional infection with ‘fears’ is significantly reduced and the social maturity

(при правильном, планомерном и системном социализирующем воздействии начиная с раннего возраста) социальная зрелость, что в первую очередь связано с категорией ответственности за поступки и их последствия.

Мы полагаем, что более эффективным является именно второй подход, который требует рассмотрения феномена на междисциплинарном уровне, поскольку психологические, педагогические, социологические аспекты, которые в совокупности находят свое отражение в политических и правовых (юридических) сторонах жизни общества [14, р. 4].

К сожалению, в регулировании и координации широкого круга участников профилактической и реабилитационной работы, как правило, существуют большие трудности [5, с. 125; 9, pp. 3–4], в том числе в связи со слабой профессиональной подготовкой в этом вопросе.

Разделяем позицию В. А. Шуняевой [7, с. 179], которая считает, что фундаментом криминологической профилактики преступности среди несовершеннолетних должна быть единая нормативная база, где необходимо выделять такие функции, как регулятивная, охранительная, воспитательная, идеологическая и прогностическая. Одновременно хотелось бы отметить некоторые аспекты, требующие доработки.

Для достижения профилактической цели требуется несколько расширить содержание воспитательной функции, не сводя ее только к знанию закона. Речь идет о направленности на формирование и развитие личности, в «ядро» которой прочно встроены конструкты просоциального, созидательного мировосприятия и миродействия. Также необходимо определить более действенные и эффективные механизмы, поскольку воспитать правовое сознание и культуру посредством одного убеждения представляется маловероятным. Убеждение действительно может быть полезным и эффективным в случае коррекции моделей и форм поведения у молодых людей, когда проявляются незначительные отклонения от правовой нормы и имеется сформированное критическое мышление.

Идеологическая функция тесно связана с воспитательной и, считаем, должна выступать как целеполагающая, т. е. должны быть предложены с одной стороны, конструкт-модель поведения, включая основные характеристики,

а с другой – совокупность мер, направленных на превенцию криминализации.

В прогностической функции следует выделять не только познавательный аспект, обобщающий и систематизирующий получаемую информацию, но и собственно ориентирующий аспект. На основе анализа полученной информации должны разрабатываться все возможные сценарии развития ситуации при разных условиях, чтобы выбрать оптимальный вариант для конкретной социальной системы, а также иметь возможность научно обоснованно выделять необходимые средства, для эффективного использования финансовых, человеческих и прочих ресурсов во имя достижения главной цели.

Однако любая система способна «уйти в сторону», если в ней не предусмотрены критерии эффективности. Все попытки в настоящее время определить их декларативным путем не дают результата. Данные критерии должны быть тщательно сформулированы исходя из функций криминологической политики в части профилактики. Другой проблемой профилактики преступности несовершеннолетних является отсутствие четко установленных источников и объемов финансирования. Государственная криминологическая политика формируется на длительную перспективу и именно поэтому требует гибкого подхода к вопросам стратегии и тактики выполнения работ. Корректировка должна осуществляться не менее чем 1 раз в полгода, но не должна превращаться в суетное, слишком частое изменение плана работ, что способно привести не к более точному и сбалансированному пути достижения поставленных целей и задач, а к хаотичному метанию, приносящему больший вред, чем бездействие.

На уровне организаций, входящих в правовую систему как социальный институт, важно установить роль каждого участника:

– гражданские структуры, в виде общественных объединений формального и неформального характера, которые в первую очередь ориентированы на формирование и параллельную первичную превенцию деструктивных моделей поведения у входящих в нее акторов. В случае необходимости включать в процесс вторичной превенции и реинтеграции тех, кто слишком отклонился от нормативной оси;

– законодательные органы ориентированы на создание максимально формализованных

increases (with proper and systemic socializing influence from an early age), which is associated primarily with responsibility regarding actions performed and their consequences.

We consider the second approach to be more effective: it requires consideration of the phenomenon at the interdisciplinary level, understanding the psychological, pedagogical, sociological aspects, which, when combined and refracted, are reflected in political and legal aspects of social life [14, p. 4].

Unfortunately, regulation and coordination of a wide range of participants in preventive and rehabilitation work, as a rule, face great difficulties [5, p. 125; 9, pp. 3-4], including poor training in this matter.

We agree with the position of V.A. Shunyayeva [7, p. 179] who believes that the foundation of criminological prevention of juvenile delinquency should be a single regulatory framework in which it is necessary to distinguish such functions as regulatory, protective, educational, ideological, and prognostic ones. At the same time, it is necessary to point out some aspects that require improvement in this position.

To achieve a preventive goal, it is necessary to somewhat expand the content of the educational function, not reducing it only to knowing of the law, it should be focused on formation and development of the personality, in the 'core' of which the construct of prosocial, creative world view and world action is firmly embedded. It is also necessary to find more efficient and effective mechanisms, since it is unlikely to cultivate legal consciousness and culture through conviction only. Persuasion is one of, and not the central, means of influence, it can actually be useful and effective in the case of correcting patterns and behaviors of young people who show minor deviations from the legal norm and have formed critical thinking in order to be able to analyze and self-analyze their behavior.

Similarly, we would like to suggest expanding the ideological function, since it is closely related to the educational one and should act as a goal-setting function. On the one hand, it formulates

certain ideal features, qualities, and behaviors that society needs, and on the other hand, it provides preventing criminalization.

In the prognostic function, it is required to distinguish not only the cognitive aspect, which generalizes and systematizes the information obtained, but also the orienting aspect. Based on the analysis of the information received, all possible models of developing the situation under different conditions should be worked out in order to choose the best option for a specific social system and also be able to scientifically allocate the necessary funds for efficient use of financial, human, and other resources with maximum achievement of the global goal.

However, any system is able to step aside if it does not highlight performance criteria. All attempts at present to compile them in a declarative way lead to disastrous results, they should be distinguished from the carefully formulated functions of the criminological policy of prophylaxis. Another problem of the criminological policy for prevention of juvenile delinquency is the lack of clear sources and amounts of funding. State criminological policy is formed for the long term and that is why it requires a flexible approach to the issues of strategy and tactics of work performance. Adjustments should be made at least once every six months but should not be transformed into a vain, too frequent change in the work plan, which can lead not to a more accurate and balanced way of achieving the goals and objectives set but to chaos that does more harm than inaction.

At the level of organizations belonging to the legal system as a social institution, it is important to single out the role of each participant:

– Civil structures in the form of social institutions of formal and informal nature, which are primarily focused on formation and parallel primary prevention of destructive behavior of the actors. It is necessary to include in the process of secondary prevention and reintegration those actors who deviate too far from the normative axis;

– Legislative bodies are focused on creating the most formalized norms, which at the same

норм, которые вместе с тем должны быть однозначными, четкими и точными, поскольку выступают в роли Меры. В современном мире законодательные органы всех стран не способны достичь этой идеальной вершины, возможно, вследствие того, что нормативные акты создаются как заплатки на ту или иную конкретную правовую прореху;

– суды ориентированы на оценку соблюдения тех норм, которые установил законодатель, однако именно от них зависит, насколько наказание будет неотвратимым;

– правоохранительные организации, в своем традиционном виде, выполняют две функции: выявление деструктивных действий и профилактика противоправных и деструктивных действий. Вместе с тем реальность такова, что мы можем часто отмечать отсутствие специализированных подразделений, квалифицированных кадров, имеющих достаточную профессиональную подготовку для осуществления именно профилактической работы. Можно возразить, что в системе МВД для профилактики правонарушений среди несовершеннолетних есть такие структурные подразделения, как центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей и подразделения по делам несовершеннолетних. Но их территориальное расположение и ограниченное количество сотрудников, как правило, не позволяют вести полноценную превентивную работу;

– организации, ориентированные на исполнение наказания, имеют две главные задачи в рамках правовой системы изоляция источника социальной опасности и угрозы в лице преступников и их перевоспитание. И здесь мы сталкиваемся с тем, что перевоспитание как таковое практически не получается осуществить, а вот социализировать к криминальной субкультуре вполне вероятно. Однако насколько эффективен и конструктивен шаг по смягчению наказания для того, чтобы люди не социализировались в криминальной субкультуре? Мы уже видели, что рецидивность преступлений составляет, как минимум, треть, а значит, необходимо искать обоснованный и эффективный способ решения данной проблемы. Каким образом можно удовлетворить обе потребности социальной системы: изолировать просоциальную часть населения от угроз, исходящих от асоциальной и антисоциальной части населения, и ресоциализировать последних?

Заключение / выводы

Современное состояние социальной системы любого общества связано с воздействием нескольких факторов. Во-первых, в условиях глобализации происходит размывание или сильное стирание границ (пространственных, культурных и иных) между социальными системами. Во-вторых, современные социальные системы находятся в стадии перехода к новому типу общества (информационному, цифровому, инновационному). Эти процессы протекают не просто быстро, а имеют импульс постоянного ускорения. В совокупности все это приводит к снижению, если не исчезновению традиционных, стабильных и устойчивых целей, ценностей, норм, моделей поведения, средств достижения целей институциональным путем в конкретных обществах. Проявляется рост таких типов адаптации, выделенных Р. Мертоном, как «Инновация», «Мятеж» и «Ретретизм». Они занимают в современном мире лидирующие позиции, как способы адаптации к стремительно изменяющейся социальной реальности.

Однако Р. Мертон, рассматривая и выделяя эти типы адаптации, в середине прошлого столетия находился в несколько иных социальных условиях. Рассматривая типы приспособления на материалах США, он имел социальную систему с четкими границами, которые жестко очерчивали общества, отделяя одну систему от другой. Вместе с тем мы можем говорить об уникальности и, соответственно, актуальности его исследования и для современной ситуации во всем мире, поскольку в социальной системе США фиксировались те адаптационные механизмы («Инновация», «Ретретизм», «Мятеж»), которые не были свойственны в таких масштабах иным социальным системам – государствам. В других социальных системах они находили свое воплощение и более явное проявление лишь в периоды общественно-политических потрясений (революций и т. п.). Этот факт связан с особенностями возникновения социальных систем и формирования в них социокультурного кода – целей, ценностей, норм, институциональных средств достижения целей.

В настоящее время деструктивные формы поведения становятся бичом социальных сис-

time should be unambiguous, clear and precise, since they act as Measure. In the modern world, the legislative bodies of all countries are not able to reach this ideal peak, possibly due to the fact that the regulatory legal acts are created as patches for one or another specific hole;

– Courts are focused on assessment of compliance with the norms established by the legislator, but it depends on them how inevitable the punishment will be;

– Law enforcement organizations in their traditional form have to identify and prevent destructive actions. However, in reality we can often observe lack of specialized subsections and qualified personnel with sufficient professional training to carry out preventive work. It can be argued that in the structure of the Ministry of Domestic Affairs for prevention of juvenile delinquency there are such structural units as temporary detention centers for juvenile offenders and juvenile affairs units. However, their territorial location and the number of employees, as a rule, do not allow to conduct full-fledged preventive work;

– Organizations oriented to execution of punishment have two main tasks in the framework of the legal system. They isolate the source of social danger and the threat posed by criminals and re-educate them. At this point, we are faced with the fact that re-education, as such, is practically impossible to accomplish, but it is quite likely to socialize to the criminal subculture. However, how effective and constructive is the step to mitigate punishment, so that people do not socialize to the criminal subculture. We have already seen that repeat crimes constitute at least one third, and therefore it is necessary to look for a reasonable and effective way to solve this problem. How can one satisfy both needs of the social system and isolate the pro-social part of the population from the threats emanating from the asocial and anti-social part of the population and re-socialize the latter?

Conclusions

The current state of the social system of any society is influenced by several factors. Firstly, the conditions of globalization contribute to the erosion or strong blurring of the boundaries (spatial, cultural, and others) between social systems. Secondly, modern social systems are in the conditions of transition to a new type of society (informational, digital, innovative). These processes are not just rapid but have a pulse of constant acceleration. On the whole, all this leads to reduction if not disappearance of traditional, stable, and sustainable goals, values, norms, behavior patterns, means of achieving goals by institutional means in specific societies. There is growth of these types of adaptation, distinguished by R. Merton, as 'Innovation', 'Mutiny', and 'Retreatism'. They occupy a leading position in the modern world as ways of adapting to a rapidly changing social reality.

However, Merton, considering and highlighting these types of adaptation, in the middle of the last century was in slightly different social conditions. Considering the types of adaptation on US materials, he had a social system with clear boundaries that rigidly outlined societies separating one system from another. However, one can speak about the uniqueness and therefore the relevance of his research for the current situation in the world because in the social system of the USA the adaptation mechanisms ('Innovation', 'Retreatism', 'Mutiny') are recorded, which were not inherent on such a scale in other social systems – states. In other social systems, they were embodied and had more explicit manifestation only during periods of socio-political upheavals (revolutions, etc.). This fact is connected with peculiarities of emerging social systems and formation of a socio-cultural code in them – goals, values, norms, and institutional means of achieving goals.

тем большинства стран и приобретают глобальный характер:

- экстремизм и терроризм, которые не связаны с интервенцией в классическом понимании, а появляются как бы из «тела» самой системы;

- снижение качества собственного человеческого ресурса. Среди коренного населения стремительно, по нарастающей тиражируются такие деструкции, как алкоголизм, наркомания, потребительство, иждивенчество, отказ от продолжения рода, суицид и др.;

- социальные системы значительного числа стран не способны полноценно функционировать, например, в экономическом сегменте из-за снижения человеческого ресурса в количественном и качественном аспектах. Вследствие этого государства стремятся выправить ситуацию за счет привлечения разными способами «чужаков» – «миграционная политика» становится одним из центральных вопросов для современных стран;

- мигранты, как новая в социальной системе и достаточно представительная социальная группа, запускают в социальных системах новые импульсы деструкций. Девиантное поведение мигрантов, как правило, связано с использованием средств достижения целей, присущих их «родной» социальной системе, в результате они нарушают социокультурные коды принимающей социальной системы и вносят дестабилизацию в разные уровни жизнедеятельности принимающего общества. В ответ коренное население тоже начинают совершать деструктивные действия, интуитивно ощущая угрозу не только для «Я», но и для «Мы», они стремятся защитить социокультурные коды собственной системы. В этом благородном порыве они нарушают нормы, которые характерны для периода стабильного функционирования системы, но совершают действия, являющиеся нормой в периоды, например, оборонительных войн. При этом, заметим, деструктивное поведение фиксируется как у одной, так и у другой стороны. Связано это, во-первых, с тем, что данное конкретное общество само пригласило и впустило «чужаков» в надежде оздоровиться за их счет – иметь возможность полноценно функционировать. Следовательно, система должна проявлять «гостеприимность», т.е. принимать тех, кого она зовет такими, какие они

есть. Во-вторых, инновационное общество предъявляет требования к акторам, ее образующим, быть гибкими и креативными. Вследствие этого у определенной части общества созрело желание отказаться от некоторых существующих социокультурных кодов, которые воспринимаются как устаревшие, мешающие. Они жадно вбирают в себя все коды, которые привносятся извне;

- цифровое общество размывает границы между системами-государствами, они стали похожи на мыльный пузырь, который легко может лопнуть от малейшего деструктивного импульса внутри или снаружи.

Однако к этим новым деструктивным вызовам современной социальной реальности оказалось не готово большинство государств; в частности, правовые системы, которые успешно функционировали в стабильной ситуации, начали давать сбой в этих новых, сложных условиях. В качестве подтверждения этих выводов можно вспомнить целую волну событий деструктивного характера, прокатившуюся по всему миру, хотя, по-видимому, она еще идет – взрывы в культовых местах, гостиницах, вокзалах; образование псевдогосударств, имеющих своей целью уничтожение всех, кто не хочет принимать и разделять их правила и нормы жизни и т.д. Не менее показательны события на территории Евросоюза, когда во время традиционных праздничных мероприятий люди ощутили свою полную незащищенность, что в дальнейшем проявилось и в обыденной жизни, когда жители европейских государств начали задаваться вопросом безопасности собственных детей по дороге в школу и из нее. В этой связи возникает проблемный вопрос для правовой системы этих государств: защита себя и своих близких, своего имущества от посягательств является преступлением или нет? Столь же актуальный вопрос для современных глобальной социальной системы и локальных в конкретных странах: осуществляется ли контроль, и если да, то каким образом и за соблюдением каких именно норм?

Официальная статистика Евросоюза показывает всплеск правонарушений, совершаемых мигрантами. Но это только часть проблемы, поскольку все эти процессы оказывают стихийное социализирующее воздействие на подрастающее поколение, определяя будущий соци-

Currently, destructive forms of behavior are becoming the scourge of social systems in most countries and they are becoming global:

- extremism and terrorism, which are not associated with intervention in the classical sense but appear from the ‘body’ of the system itself;

- reduction in the quality of human resource. Among the indigenous population, such destructions as alcoholism, drug addiction, consumerism, dependency, refusal to continue their family name, suicide, etc. are rapidly replicating.

Social systems of a significant number of countries are not able to fully function, for example, in the economic segment, as a result of decreasing human resources in quantitative and qualitative terms. As a result, states seek to rectify the situation by attracting ‘outsiders’ – ‘migration policy’ is becoming one of the central issues for modern countries.

Migrants, being a social group that is new and fairly representative in the social system, launch new bursts of destruction in social systems. The deviant behavior of migrants, as a rule, is connected with the use of goals and means of achieving them inherent in their ‘native’ social system, as a result, they violate the sociocultural codes of the receiving social system and introduce destabilization to different levels of the host’s society life. In response, indigenous people, are, too, beginning to perform destructive actions. Intuitively feeling the threat not only for ‘I’, but also for ‘We’, they seek to protect the sociocultural codes of their own system. In this noble impulse, they violate the norms that are characteristic for the period of stable functioning of the system, but they perform actions that are the norm during periods of, for example, defensive wars. The paradox of this situation is that the destructive behavior is fixed both at one and the other side. This is due, firstly, to the fact that this particular society itself invited and admitted ‘outsiders’ in the hope of improving health at their expense – to be able to fully function. Consequently, the system should be ‘hospitable’, i.e. to accept those whom it calls the way they are. Secondly, an innovative society makes the requirements for its actors to be flexible and creative, as a result, within

the society a certain part of it has shaped a desire to abandon some of the existing sociocultural codes that are perceived as obsolete and hindering. They eagerly absorb all the new codes that are introduced from outside.

The digital society has blurred the boundaries between the systems-states, they have become like a soap bubble that can easily burst from the slightest disruptive impulse inside or outside.

However, most of the states turned out not to be ready for these new destructive challenges of modern social reality. In particular, legal systems that successfully functioned in a stable situation began to fail in these new, difficult conditions. To confirm these conclusions, one can remember the wave of destructive events that swept around the world, although perhaps it is still going on – explosions in places of worship, hotels, and railway stations; formation of pseudo-states with the aim of destroying everyone who does not want to accept and share their rules and norms of life, etc. Events in the territory of the European Union are no less indicative – when during traditional festive events, people felt their complete insecurity and weakness, which later found its continuation in everyday life, when residents of the European countries began to wonder about safety of their own children on their way to and from school. In this regard, a problematic question arises for the legal system of these states – is protecting oneself and family, one’s property from encroachment a crime or not? Equally urgent is the issue for today’s global social system and local in the form of specific countries – whether the control is carried out, and if so, then how and what norms are observed.

On the whole, the official statistics of the European Union shows a surge in law offenses committed by migrants. However, this is only a part of the problem, since all these processes have a spontaneous socializing effect on the younger generation, determining the future socio-cultural code, on the one hand, and, on the other, placing the younger generation in the conditions of a difficult choice of which particular socio-cultural

культурный код, с одной стороны, а с другой – ставя подрастающее поколение в условия сложного выбора, какому именно социокультурному коду или их миксу необходимо следовать. Этот выбор молодежь осуществляет через идентификацию себя с кем-то из окружения, а окружение сильно разрослось в размерах и стало очень разным по своим качественным характеристикам. В традиционном обществе несовершеннолетний в возрасте до 3–5 лет ощущал на себе воздействие, в том числе стихийное, ограниченного круга, представленного семьей и соседями, к возрасту 6–10 лет этот круг мог расширяться вследствие посещения образовательного учреждения. Однако в цифровую эпоху мы можем фиксировать изначально широкий круг агентов социализации. Так, средства массовой коммуникации и интернет-пространство присоединяются к традиционным институтам социализации и быстро вытесняют их. Это имеет логичное объяснение, поскольку сами взрослые, особенно ближайшее социальное окружение – семья, изолируют себя от несовершеннолетних, погружаясь в виртуальную реальность средств массовой информации и Интернета. Экономическая ситуация в конкретном обществе способна усугубить положение постоянным и длительным вовлечением взрослых в трудовой процесс, отрывая от родительских обязанностей. Еще больше страдает институт семьи из-за нуклеаризации: в большинстве семей нет прародителей. Они обособлены желанием пожить «для себя», что характерно для западно-европейской культуры. Однако благодаря все той же виртуальной реальности и новым транспортным технологиям можно видеть распространение этой модели поведения, на наш взгляд, деструктивной, с позиции социальной системы, по всему миру. Имеет место и нежелание самих «молодых» родителей впускать поколение прародителей в свою семью, видя в них стагнационный фактор: «Они ничего не понимают в современной жизни. Они будут мешать развитию детей».

В результате современный ребенок оказывается предоставленным самому себе. Он сам должен решить и понять, что является целью, ценностью и нормой в этом мире. В лучшем случае он доверяется с максимально раннего возраста «профессионалам», по сути, чужим для ребенка людям, которые должны о нем

заботиться, но забота может быть разной. Согласно теории Абрахама Маслоу человеку свойственна иерархия потребностей, состоящая из семи ступеней, однако не все они могут проявиться даже у взрослых людей. И корни, и причины неразвитости мотивационной сферы современного человека – все это берет начало именно в детском периоде: несовершеннолетние постепенно, при благоприятных условиях обнаруживают и открывают для себя мир новых потребностей, которые и делают (или не делают) его собственно человеком – общественным, социальным, морально-нравственным существом. Итак, забота о несовершеннолетних может сводиться к удовлетворению физиологических потребностей (сыт, обут, одет), а может вводить его в пространство социального мира с наличием множества более сложных потребностей – от стремления к защите (безопасности), уважения и коммуникации до самоактуализации.

Однако здесь мы и сталкиваемся либо со стихийной социализацией, когда «присмотрщик» ориентирован только на физиологическую заботу, но он не транслирует те социокультурные коды, которые быстро и основательно усваиваются именно малолетними. Либо мы видим не «присмотрщика», а именно «наставника». Вопрос: чему он наставляет, куда направляет несовершеннолетнего? Если в целом ряде стран можно увидеть, что эту трудовую нишу занимают мигранты или представители другого социального слоя, то каких социокультурных кодов в дальнейшем будет придерживаться ребенок?

Ко всему этому добавляется разрыв эмоциональных связей между родителями и детьми, что послужит основанием для будущего конфликта поколений, что в последующем получает свое воспроизводство в направлении нуклеаризации семей. Несовершеннолетние пытаются восполнить недостающие, но столь важные именно в этот период эмоциональные связи на стороне. В традиционном обществе – это двор, соседи, та среда, которую легко можно контролировать и направлять /управлять через смену места жительства, что и делается в ряде стран. Однако современная ситуация – иное дело, мы видим всплеск деструктивности несовершеннолетних не только в бедных слоях населения, но и во вполне обеспеченных, и свя-

code or their mix should be followed. This choice is made by young people through identifying themselves with someone from the environment, and the environment has grown greatly in size and has become very different in its quality characteristics. In a traditional society, a minor under the age of 3-5 felt the impact of the natural, limited circle, represented by family and neighbors. By the age of 6-10, this circle could be expanded by an educational institution. However, in the digital era, we can record an initially wide range of agents of socialization, as the means of mass communication and the Internet space join traditional institutions of socialization and, paradoxically, quickly displace them. This has a logical explanation, since adults themselves, especially the immediate social environment – the family, isolate themselves from minors, plunging into the virtual reality of the media and the Internet. The economic situation in a particular society can exacerbate this phenomenon by the constant and long-term involvement of an adult in the labor process with separation from parental responsibilities. This fact is even more aggravated by nuclearization of families – grandparents could take up the challenge of modern times and take care of children, but most of them are separated by the desire to live ‘for themselves’. This is especially vivid in Western European culture, although thanks to the virtual reality and new transport technologies this model of behavior, destructive as it is from the point of view of the social system, spreads around the world. In other cases, you can see reluctance of the ‘young’ parents to let the generation of grandparents into their family as a stagnant factor: ‘They do not understand anything in modern life. They will inhibit the development of children’.

As a result, the modern children are left to themselves. They must decide and understand what is the goal, value and norm in this world. At best, from the earliest possible age they trust ‘professionals’, in fact, strangers who need to take care of

them, but the care may be different. According to the theory of Abraham Maslow, the hierarchy of needs is inherent in man; it consists of seven steps, but not all of them can manifest themselves even in an adult. Both the roots and the reasons for underdevelopment of the motivational sphere of the modern person are connected with the very early childhood period: minors gradually, under favorable conditions, find and discover for themselves the world of new needs, which make (or do not make) them a person – a social, moral and ethical being. So, taking care of minors can be reduced to satisfaction of physiological needs (full, shod, dressed), or can introduce them into the space of the social world with many more complex needs from the desire of protection (safety), respect and communication, to self-actualization.

However, here we either observe spontaneous socialization, when the ‘caretaker’ is focused only on physiological care but does not transmit the sociocultural codes that are quickly and thoroughly assimilated by juveniles, or we see not a ‘caretaker’ but a ‘mentor’. The question is what do they teach, where do they lead the minor? If in a number of countries one can notice that this labor niche is occupied by migrants or representatives of another social stratum, then what sociocultural codes will the child adhere to in the future?

In addition to all this, there is a break in the emotional ties between parents and children, which actually lays the foundation for the future conflict of generations, and later results in nuclearization of families. Minors are trying to fill the missing emotional connections outside the family as they are so important during this period. In a traditional society, this is the street community, neighbors, environment that can be easily controlled and directed / managed through a change of residence, which is actually done in some countries. However, a modern situation is a different matter. We see a burst of destructiveness of minors not only in the poor

зано это с тем, что несовершеннолетние находят «отдушину» там, где практически родители не могут осуществлять контроль – в виртуальной реальности. Именно из этой виртуальной, но все же социальной среды рекрутируются экстремисты и террористы, именно там тиражируются модели эскапизма – поведения, связанного с бегством от реальности во что угодно (алкоголь, наркотики, в «лучший мир» – другую страну или другую реальность, а порой и в мир иной).

Существующие нормы начинают противоречить друг другу, например федеральные законы РФ. Так, Семейный кодекс РФ обязывает и налагает меру ответственности на родителей за заботу о детях и создание достойной среды для развития личности (хотя у каждого свое понимание достойного), закон «Об образовании в Российской Федерации» требует, чтобы современный школьник был интегрирован в информационное пространство. Эти две позиции уже транслируют противоречие, поскольку можно ли и нужно ли несовершеннолетнего интегрировать в интернет-пространство, ведь именно на этом пространстве и происходит «ловля неокрепших душ». Создает ли безопасные условия для несовершеннолетнего свободный доступ в виртуальный мир? Ведь интегрироваться, не выходя или выходя под присмотром, достаточно сложно, поскольку ты в лучшем случае слепо выполняешь чьи-то команды – куда пойти, что посмотреть. Именно так и формируется интеллектуальная и социальная инфантильность. Но есть масса других нормативных актов. Например, ответственность за распространение экстремистской информации несет собственник гаджета, а значит, родитель должен ограничивать доступ несовершеннолетнего в виртуальную реальность, но это практически невозможно, и об этом сегодня ведут речь профессионалы, IT-специалисты. Таким образом, эти нормативно-правовые акты обязывают родителя обеспечивать ребенка всем необходимым для образования и личностного развития: образование, в свою очередь, требует виртуальной среды как места самостоятельного обучения. А кто ответственен и обеспечивает безопасность несовершеннолетнего в этой среде? С одной стороны, IT-специалисты говорят о возрастающей трудности обеспечивать безопасность и перехватывать вредоносный кон-

тент. С другой стороны, мы видим, что своих детей они предпочитают изолировать до определенного возраста от виртуальной реальности и технологий, научив жить в традиционной реальности.

Итак, можно сказать, что мы сами рекрутируем в известном смысле молодых людей в деструктивные ряды и делаем это на основе законодательства, поскольку они должны достаточно рано и достаточно свободно, а значит, в условиях сниженного уровня контроля оказаться в свободном плавании по цифровой реальности.

Молодежь, как уже было сказано ранее, во всем обозримом периоде развития человеческого общества являлась точкой турбулентности, поскольку по своей психологической природе данный возраст, а точнее группа, поскольку ее возрастные границы изменяются в разные исторические периоды, стремится к изменениям. Она готова и желает преобразовать мир в идеалистическом порыве. Она не испытывает страха, поскольку у нее за плечами нет опыта и груза ответственности, которые бы ее порывы охлаждали. Поэтому мы видим конструктив в деятельности этой социально-демографической группы, связанный с прорывами в науке, технике, культуре. Аналогичным образом мы наблюдаем и деструктивные проявления, связанные с призывами к разрушению (насилию) в общественно-политических, общественно-экономических, этнических, культурных контекстах. Это различные революционные и экстремистские движения – как этнические, конфессиональные, так и социально-культурные.

Сегодня деструктивное поведение молодежи «уточняется» («специфицируется») особенностями современного периода развития общества, в частности его динамичностью, прагматичностью, утилитарностью и гедонистичностью, что в совокупности приводит к тому, что молодежь оказывается не способной выстраивать конструктивные отношения непосредственно на межличностном уровне, зато есть ощущение своего всемогущества в виртуальной реальности.

Таким образом, можно заметить, что правовая система в современном мире, как социальный институт контроля и наказания, к сожалению, в большинстве стран не справляется со стоящими перед ним задачами. Это не пробле-

strata of the population but also in the well-to-do one and this is due to the fact that minors find an 'outlet' where parents are practically not able to exercise control – in virtual reality. It is from this virtual but still social environment that extremists and terrorists are recruited, it is there that models of escapism are replicated – behavior associated with escaping from reality into anything (alcohol, drugs, 'a better world' – another country or another reality, and sometimes another 'world' – the world of the dead).

Existing norms are beginning to contradict each other, for example, federal laws of the Russian Federation. Thus, the Family Code of the Russian Federation obliges and imposes a measure of responsibility on parents for taking care of children and creating a decent environment for personal development (although everyone has their own understanding of decent and personal development), the Law 'On Education of the Russian Federation' requires that a modern student was integrated into the information space. These two positions are in conflict. Is it possible and necessary for the minor to be integrated into the Internet space, as it is in this space that 'catching of young souls' takes place? Does a free access to the virtual world create a safe environment for a minor? This integration is difficult because one blindly follows someone's command where to go, what to see. This is exactly the way how intellectual and social infantilism is formed. However, there are many other regulations, for example, responsibility for spreading extremist information. It is borne by the gadget owner, which means that the parent must limit access to the virtual reality of the minor, but this is practically impossible at the present time, and this is what professionals and IT specialists are talking about. Thus, these regulations require the parent to provide the child with everything necessary for education and personal development. Education, in turn, requires a virtual environment as a place of independent learning. But who is respon-

sible and ensures the safety of the minor in this environment? On the one hand, IT specialists are talking about increasing difficulty of ensuring security and intercepting malicious content. On the other hand, we see that they prefer to isolate their children to a certain age from virtual reality and technology, teaching them to live in traditional reality.

Thus, we can say that we ourselves, under certain conditions, recruit young people into destructive ranks and do this on the basis of legislation, because they must be free enough in the digital reality, with a reduced level of control.

Young people tend to change. As has been said before, throughout the development of human society youth has always been the point of turbulence because of its psychological nature. Youth is ready and willing to transform the world in an idealistic rush. It does not feel fear, because it has no experience behind, and it has no burden of responsibility to cool it off. That is why we see constructive activities of this social and demographic group associated with breakthroughs in science, technology and culture. Similarly, we observe destructive manifestations associated with calls for destruction (violence) in socio-political, socio-economic, ethnic, cultural contexts. These are various revolutionary and extremist movements, ethnic, confessional, and socio-cultural.

In modern conditions, the destructive behavior of young people is 'specified' by the features of the modern period of society's development, in particular, its dynamism, pragmatism, utility, and hedonism, which in total leads to the fact that young people are not able to build constructive relationships at the interpersonal level of real-time conditions, while feeling omnipotence in virtual reality.

Thus, it can be noted that the legal system in the modern world, as a social institution of control and punishment, unfortunately, in most countries cannot cope with its tasks. This is not a problem

ма отдельных организаций, это проблема системного плана – отлаженность и синхронизация деятельности всей правовой системы, как на локальном, внутригосударственном, так и глобальном, международном, уровнях. Мы полагаем, что всплеск деструктивности в современных обществах вызван целым рядом причин:

1) формирование нового типа общества, связанного с все возрастающими рисками несогласования динамических аспектов на макро- и микроуровне. Слишком стремительный и все ускоряющийся темп развития социальной системы, со стремительным расширением ее границ лишает человека равновесия и возможности понимать, что будет дальше, а это является одним из основных требований для его полноценного формирования как личности, социального субъекта;

2) размывание границ привычного пространства, в связи с взаимопроникновением объективной и виртуальной реальности, влечет за собой формирование фрагментарного восприятия и, соответственно, бессистемной, калейдоскопичной картины мира, а также клипового мышления. Актер теряет способность созидать и преодолевать препятствия, его главное предназначение – потребление всего без разбора;

3) глобализация также способствует стиранию пространственных и социокультурных границ, в результате чего люди перестают быть дифференцированными по различным социальным основаниям – этнической принадлежности, государственной принадлежности и др. Все это способствует регрессивному развитию в современном человеке одномерности, он упрощается и, наконец, становится неинтересен как окружающим, так и самому себе. Заметим также, что глобализация, как процесс, направленный на объединение всего многообразия существующих стран, народов, культур в единое большое общество, способствует стремительной атомизации всех обществ – через процесс обособления каждого отдельного человека.

Ответ на эти вызовы времени требует от правовой системы и в целом социальной системы выработки новой стратегии противостояния, которое должно иметь научно обоснованные и выверенные позиции, а также коллективных усилий в духе сотрудничества, а не конкуренции.

Библиографический список

1. Грибанов Е. В. Преступность несовершеннолетних в контексте культурной кризисологии / науч. ред. А. В. Симоненко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2017. 158 с.
2. Грибанов Е. В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // СОЦИС. 2016. № 7. С. 77–81.
3. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. (Современные буржуазные теории). М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.
4. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.
5. Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Оценка криминальной ситуации в вузовской студенческой среде и меры ее коррекции // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 1. С. 122–127.
6. Тонеха Т. А. Факторы, влияющие на социализацию молодежи в условиях трансформации российского общества: дис. ... канд. соц. наук. Пермь, 2005. 313 с.
7. Шуныева В. А. Криминологическая политика профилактики преступности несовершеннолетних: утопия или необходимость // Социально-экономические явления и процессы. 2015. № 6. С. 176–180.
8. Bjork-James S. Many hate crimes never make it into the FBI's database // The Conversation. 2019. URL: <https://theconversation.com/many-hate-crimes-never-make-it-into-the-fbis-database-109071>.
9. Cherney A. The Release and Community Supervision of Radicalized Offenders: Issues and Challenges that Can Influence Reintegration // Terrorism and Political Violence. 2018. DOI: 10.1080/09546553.2018.1530661. URL: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1530661>.
10. Cotte S., Cunliffe J. Watching ISIS: How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos // Studies in Conflict and Terrorism. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1444955. URL: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1444955>.
11. De Grazia S. The Political Community: a Study of Anomie. Chicago, 1948. 258 p.
12. Igbino P. Perspectives on Juvenile Delinquency in Africa // International Journal of Ado-

of individual organizations, it is a systemic problem – smoothness and synchronization of the entire legal system, both at the local and global levels. We believe that the surge in destructiveness in modern societies is due to a number of reasons:

Formation of a new type of society associated with the ever-increasing risks of misalignment of dynamic aspects at the macro and micro levels. Too rapid and ever accelerating pace in the development of the social system, with the rapid expansion of its borders, deprives a person of balance and the ability to understand what will happen next, and this is one of the basic requirements for his full-fledged formation into a personality, a social subject;

Blurring of the boundaries of the familiar space, due to the interpenetration of objective and virtual reality, entails the formation of fragmentary perception and, accordingly, formation of an unsystematic, kaleidoscopic picture of the world, as well as clip thinking. The actor learns how to create and overcome obstacles, their main purpose is to consume everything indiscriminately;

Globalization also contributes to erasure of spatial boundaries, but it contributes to erasure of sociocultural boundaries, as a result of which people cease to be differentiated in various social grounds – ethnicity, state affiliation, etc. All this contributes to regressive development of one-dimensionality in the modern men, they are simplified, and further become uninteresting to others as well as to themselves. No matter how paradoxical it may sound, globalization, as a process aimed at uniting the whole diversity of existing countries, peoples, cultures, into one single large society, contributes to rapid atomization of all societies through the process of separating each individual person.

Responding to these challenges requires from the legal system and the social system as a whole to develop a new strategy of confrontation, which should have scientifically based and verified positions, as well as a collective effort – a spirit of cooperation, not competition.

References

1. Gribanov E. V. *Prestupnost' nesovershennoletnikh v kontekste kul'turnoy kriminologii* / E. V. Gribanov; nauch. red. A. V. Simonenko [Juvenile Delinquency in the Context of Cultural Criminology; ed. by A. V. Simonenko]. Krasnodar, 2017. 158 p. (In Russ.).
2. Gribanov E. V. *Shkol'noe nasilie: mery profilaktiki i kontrolya (po materialam ekspertnogo oprosa)* [Violence at School: Measures of Its Prevention and Control (Expert Opinions)]. *SOCIS. – Sociological Studies*. 2016. Issue 7. Pp. 77–81. (In Russ.).
3. Durkheim E. *Norma ipatologiya* [Norm and Pathology]. *Sotsiologiyaprestupnosti (Sovremennye burzhuznyeteorii)* [Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)]. Moscow, 1966. Pp. 39–44. (In Russ.).
4. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, 2006. 873 p. (In Russ.).
5. Simonenko A. V., Gribanov E. V. *Otsenka kriminal'noy situatsii v vuzovskoy studencheskoy srede i mery ee korreksii* [Assessment of Criminal Situation in a High School Student Community and Measures for Its Correction]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2015. Issue 1. Pp. 122–127. (In Russ.).
6. Topekha T. A. *Factory, vliyayushchie na sotsializatsiyu molodezhi v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva: dis. ... kand. sots. nauk* [Factors Affecting the Socialization of Young People under the Transformation of Russian Society: Cand. soc. sci. diss.]. Perm, 2005. 313 p. (In Russ.).
7. Shunyaeva V. A. *Kriminologicheskaya politika profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh: utopiya ili neobkhodimost'* [Criminological Policy of Juvenile Delinquency Prevention: Utopia or Need] *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniyai-protsessy*– Social and Economic Phenomena and Processes. 2015. Vol. 10. Issue 6. Pp. 176–180. (In Russ.).
8. Bjork-James S. Many Hate Crimes Never Make It into the FBI's Database. *The Conversation*. 2019. Available at: <https://theconversation.com/many-hate-crimes-never-make-it-into-the-fbis-database-109071>. (In Eng.).

lescence and Youth. 1988. Vol. 1. Pp. 131–156. DOI:10.1080/02673843.1988.9747632. URL: <https://doi.org/10.1080/02673843.1988.9747632>.

13. Klausen J., Libretti R., Hung B. W. K., Jayasumana A. P. Radicalization Trajectories: An Evidence-Based Computational Approach to Dynamic Risk Assessment of “Homegrown” Jihadists // *Studies in Conflict and Terrorism*. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1492819. URL: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1492819>.

14. Knudsen R.A. Measuring radicalization: risk assessment conceptualizations and practice in England and Wales // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105. URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1509105>.

15. Lindekilde L., O'Connor F., Schuurman B. Radicalization patterns and modes of attack planning and preparation among lone-actor terrorists: an exploratory analysis // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019. Vol. 11, Issue 2. DOI: 10.1080/19434472.2017.1407814. URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2017.1407814>.

16. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20. Pp. 415–433. DOI: 10.1080/09546550802073367. URL: <https://doi.org/10.1080/09546550802073367>

17. Omar Y. S. Young Somali men growing up in the West left alienated and at risk of violence // *The Conversation*. 2019. URL: <https://theconversation.com/young-somali-men-growing-up-in-the-west-left-alienated-and-at-risk-of-violence-106664>.

18. Parker T., Sitter N. The Four Horsemen of Terrorism: It's Not Waves, It's Strains // *Terrorism and Political Violence*. 2016. Vol. 28. Pp. 197–216. DOI:10.1080/09546553.2015.1112277. URL: <https://doi.org/10.1080/09546553.2015.1112277>.

19. Savells J. Juvenile Delinquency in Japan // *International Journal of Adolescence and Youth*. 1991. Vol. 3. Pp. 129–135. DOI: 10.1080/02673843.191.9747698. URL: <https://doi.org/10.1080/02673843.191.9747698>.

20. Weert A. van de, Eijkman Q. A. M. Subjectivity in detection of radicalization and violent extremism: a youth worker's perspective // *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. DOI: 10.1080/19434472.2018.1457069.

URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>.

21. Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization // *Global Change, Peace and Security*. 2010. Vol. 22, Issue 1. Pp. 33–51. DOI: 10.1080/1478115090348795. URL: <https://doi.org/10.1080/14781150903487956>.

22. Young S, Greer B, Church R. Juvenile delinquency, welfare, justice and therapeutic interventions: a global perspective // *BJPsych Bulletin*. 2017. Issue 41(1). Pp. 21–29. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5288089> (дата обращения: 15.02.2019).

References

1. Griбанов Е. В. Преступность несовершеннолетних в контексте культурной криминологии // Е. В. Грибанов; науч. ред. А. В. Симоненко [Juvenile Delinquency in the Context of Cultural Criminology; ed. by A. V. Simonenko]. Krasnodar, 2017. 158 p. (In Russ.).

2. Griбанов Е. В. Школное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) [Violence at School: Measures of Its Prevention and Control (Expert Opinions)]. *SOCIS. – Sociological Studies*. 2016. Issue 7. Pp. 77–81. (In Russ.).

3. Durkheim E. *Norma ipatologiya* [Norm and Pathology]. *Sotsiologiyaprestupnosti (Sovremennye burzhuznyeteorii)* [Sociology of Crime (Modern Bourgeois Theories)]. Moscow, 1966. Pp. 39–44. (In Russ.).

4. Merton R. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow, 2006. 873 p. (In Russ.).

5. Simonenko A. V., Griбанов Е. В. Оценки криминальной ситуации в вузовской студенческой среде и меры ее коррекции [Assessment of Criminal Situation in a High School Student Community and Measures for Its Correction]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii – Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia*. 2015. Issue 1. Pp. 122–127. (In Russ.).

6. Topekha T. A. *Faktory, vliyayushchie na sotsializatsiyu molodezhi v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva: dis. ... kand. sots. nauk* [Factors Affecting the Socialization of Young People under the Transformation of Russian Socie-

9. Cherney A. The Release and Community Supervision of Radicalized Offenders: Issues and Challenges that Can Influence Reintegration. *Terrorism and Political Violence*. 2018. DOI: 10.1080/09546553.2018.1530661. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1530661>. (In Eng.).

10. Cotte S., Cunliffe J. Watching ISIS: How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1444955. Available at: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1444955>. (In Eng.).

11. De Grazia S. *The Political Community: a Study of Anomie*. Chicago, 1948. 258 p. (In Eng.).

12. Igbinovia P. Perspectives on Juvenile Delinquency in Africa. *International Journal of Adolescence and Youth*. 1988. Vol. 1. Pp. 131–156. DOI: 10.1080/02673843.1988.9747632. Available at: <https://doi.org/10.1080/02673843.1988.9747632>. (In Eng.).

13. Klausen J., Libretti R., Hung B. W. K., Jayasumana A. P. Radicalization Trajectories: An Evidence-Based Computational Approach to Dynamic Risk Assessment of “Homegrown” Jihadists. *Studies in Conflict and Terrorism*. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1492819. Available at: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1492819>. (In Eng.).

14. Knudsen R.A. Measuring Radicalization: Risk Assessment Conceptualizations and Practice in England and Wales. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1509105>. (In Eng.).

15. Lindekilde L., O'Connor F., Schuurman B. Radicalization Patterns and Modes of Attack Planning and Preparation among Lone-Actor Terrorists: an Exploratory Analysis. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2019. Vol. 11, Issue 2. Pp. 113–133. DOI: 10.1080/19434472.2017.1407814. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2017.1407814>. (In Eng.).

16. McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways toward Terrorism. *Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20. Pp. 415–433. DOI: 10.1080/09546550802073367. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546550802073367>. (In Eng.).

17. Omar Y. S. Young Somali Men Growing up in the West Left Alienated and at Risk of Violence. *The Conversation*. 2019. Available at: <https://theconversation.com/young-somali-men-growing-up-in-the-west-left-alienated-and-at-risk-of-violence-106664>. (In Eng.).

18. Parker T., Sitter N. The Four Horsemen of Terrorism: It's Not Waves, It's Strains. *Terrorism and Political Violence*. 2016. Vol. 28. Pp. 197–216. DOI: 10.1080/09546553.2015.1112277. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546553.2015.1112277>. (In Eng.).

19. Savells J. Juvenile Delinquency in Japan. *International Journal of Adolescence and Youth*. 1991. Vol. 3. Pp. 129–135. DOI: 10.1080/02673843.191.9747698. Available at: <https://doi.org/10.1080/02673843.191.9747698>. (In Eng.).

20. Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Subjectivity in Detection of Radicalization and Violent Extremism: a Youth Worker's Perspective. *Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. DOI: 10.1080/19434472.2018.1457069. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>. (In Eng.).

21. Wilner A. S., Dubouloz C.-J. Homegrown Terrorism and Transformative Learning: an Interdisciplinary Approach to Understanding Radicalization. *Global Change, Peace and Security*. 2010. Vol. 22, Issue 1. Pp. 33–51. DOI: 10.1080/14781150903487956. Available at: <https://doi.org/10.1080/14781150903487956>. (In Eng.).

22. Young S., Greer B., Church R. Juvenile Delinquency, Welfare, Justice and Therapeutic Interventions: a Global Perspective. *BJPsych Bulletin*. 2017. Issue 41(1). Pp. 21–29. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5288089>. (In Eng.).

References in Russian

1. Грибанов Е. В. Преступность несовершеннолетних в контексте культурной криминологии / науч. ред. А. В. Симоненко. Краснодар: Краснодар. ун-т МВД России, 2017. 158 с.

2. Грибанов Е. В. Школьное насилие: меры профилактики и контроля (по материалам экспертного опроса) // *СОЦИС*. 2016. № 7. С. 77–81.

3. Дюркгейм Э. *Норма и патология // Социология преступности. (Современные буржуазные теории)*. М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.

ty: Cand. soc. sci. diss.]. Perm, 2005. 313 p. (In Russ.).

7. *Shunyaeva V. A. Kriminologicheskaya politika profilaktiki prestupnosti nesovershennoletnikh: utopiya ili neobkhodimost'* [Criminological Policy of Juvenile Delinquency Prevention: Utopia or Need] *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniyai-protsessy*— Social and Economic Phenomena and Processes. 2015. Vol. 10. Issue 6. Pp. 176–180. (In Russ.).

8. *Bjork-James S. Many Hate Crimes Never Make It into the FBI's Database. The Conversation*. 2019. Available at: <https://theconversation.com/many-hate-crimes-never-make-it-into-the-fbis-database-109071>. (In Eng.).

9. *Cherney A. The Release and Community Supervision of Radicalized Offenders: Issues and Challenges that Can Influence Reintegration. Terrorism and Political Violence*. 2018. DOI: 10.1080/09546553.2018.1530661. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1530661>. (In Eng.).

10. *Cotte S., Cunliffe J. Watching ISIS: How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos. Studies in Conflict and Terrorism*. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1444955. Available at: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1444955>. (In Eng.).

11. *De Grazia S. The Political Community: a Study of Anomie*. Chicago, 1948. 258 p. (In Eng.).

12. *Igbinovia P. Perspectives on Juvenile Delinquency in Africa. International Journal of Adolescence and Youth*. 1988. Vol. 1. Pp. 131–156. DOI: 10.1080/02673843.1988.9747632. Available at: <https://doi.org/10.1080/02673843.1988.9747632>. (In Eng.).

13. *Klausen J., Libretti R., Hung B. W. K., Jayasumana A. P. Radicalization Trajectories: An Evidence-Based Computational Approach to Dynamic Risk Assessment of "Homegrown" Jihadists. Studies in Conflict and Terrorism*. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1492819. Available at: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1492819>. (In Eng.).

14. *Knudsen R.A. Measuring Radicalization: Risk Assessment Conceptualizations and Practice in England and Wales. Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1509105>. (In Eng.).

15. *Lindekilde L., O'Connor F., Schuurman B. Radicalization Patterns and Modes of Attack Planning and Preparation among Lone-Actor Terrorists: an Exploratory Analysis. Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2019. Vol. 11. Issue 2. Pp. 113–133. DOI: 10.1080/19434472.2017.1407814. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2017.1407814>. (In Eng.).

16. *McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways toward Terrorism. Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20. Pp. 415–433. DOI: 10.1080/09546550802073367. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546550802073367>. (In Eng.).

17. *Omar Y. S. Young Somali Men Growing up in the West Left Alienated and at Risk of Violence. The Conversation*. 2019. Available at: <https://theconversation.com/young-somali-men-growing-up-in-the-west-left-alienated-and-at-risk-of-violence-106664>. (In Eng.).

18. *Parker T., Sitter N. The Four Horsemen of Terrorism: It's Not Waves, It's Strains. Terrorism and Political Violence*. 2016. Vol. 28. Pp. 197–216. DOI: 10.1080/09546553.2015.1112277. Available at: <https://doi.org/10.1080/09546553.2015.1112277>. (In Eng.).

19. *Savells J. Juvenile Delinquency in Japan. International Journal of Adolescence and Youth*. 1991. Vol. 3. Pp. 129–135. DOI: 10.1080/02673843.1991.9747698. Available at: <https://doi.org/10.1080/02673843.1991.9747698>. (In Eng.).

20. *Van de Weert A., Eijkman Q. A. M. Subjectivity in Detection of Radicalization and Violent Extremism: a Youth Worker's Perspective. Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. DOI: 10.1080/19434472.2018.1457069. Available at: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>. (In Eng.).

21. *Wilner A. S., Dubouloz C.-J. Homegrown Terrorism and Transformative Learning: an Interdisciplinary Approach to Understanding Radicalization. Global Change, Peace and Security*. 2010. Vol. 22. Issue 1. Pp. 33–51. DOI: 10.1080/14781150903487956. Available at: <https://doi.org/10.1080/14781150903487956>. (In Eng.).

22. *Young S., Greer B., Church R. Juvenile Delinquency, Welfare, Justice and Therapeutic Interventions: a Global Perspective. BJPsych Bulletin*. 2017. Issue 41(1). Pp. 21–29. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5288089>. (In Eng.).

4. *Мертон П. Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ, Хранитель, 2006. 873 с.

5. *Симоненко А. В., Грибанов Е. В. Оценка криминальной ситуации в вузовской студенческой среде и меры ее коррекции // Вестник Воронежского института МВД России*. 2015. № 1. С. 122–127.

6. *Тонеха Т. А. Факторы, влияющие на социализацию молодежи в условиях трансформации российского общества: дис. ... канд. соц. наук*. Пермь, 2005. 313 с.

7. *Шуныева В. А. Криминалогическая политика профилактики преступности несовершеннолетних: утопия или необходимость // Социально-экономические явления и процессы*. 2015. № 6. С. 176–180.

8. *Bjork-James S. Many hate crimes never make it into the FBI's database // The Conversation*. 2019. URL: <https://theconversation.com/many-hate-crimes-never-make-it-into-the-fbis-database-109071>.

9. *Cherney A. The Release and Community Supervision of Radicalized Offenders: Issues and Challenges that Can Influence Reintegration // Terrorism and Political Violence*. 2018. DOI: 10.1080/09546553.2018.1530661. URL: <https://doi.org/10.1080/09546553.2018.1530661>.

10. *Cotte S., Cunliffe J. Watching ISIS: How Young Adults Engage with Official English-Language ISIS Videos // Studies in Conflict and Terrorism*. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1444955. URL: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1444955>.

11. *De Grazia S. The Political Community: a Study of Anomie*. Chicago, 1948. 258 p.

12. *Igbinovia P. Perspectives on Juvenile Delinquency in Africa // International Journal of Adolescence and Youth*. 1988. Vol. 1. Pp. 131–156. DOI: 10.1080/02673843.1988.9747632. URL: <https://doi.org/10.1080/02673843.1988.9747632>.

13. *Klausen J., Libretti R., Hung B. W. K., Jayasumana A. P. Radicalization Trajectories: An Evidence-Based Computational Approach to Dynamic Risk Assessment of "Homegrown" Jihadists // Studies in Conflict and Terrorism*. 2018. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1492819. URL: <https://doi.org/10.1080/1057610X.2018.1492819>.

14. *Knudsen R.A. Measuring radicalization: risk assessment conceptualizations and practice in England and Wales // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018.

DOI: 10.1080/19434472.2018.1509105. URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1509105>.

15. *Lindekilde L., O'Connor F., Schuurman B. Radicalization patterns and modes of attack planning and preparation among lone-actor terrorists: an exploratory analysis // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*, 2019. Vol. 11, Issue 2. DOI: 10.1080/19434472.2017.1407814. URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2017.1407814>.

16. *McCauley C., Moskalenko S. Mechanisms of Political Radicalization: Pathways Toward Terrorism // Terrorism and Political Violence*. 2008. Vol. 20. Pp. 415–433. DOI: 10.1080/09546550802073367. URL: <https://doi.org/10.1080/09546550802073367>

17. *Omar Y. S. Young Somali men growing up in the West left alienated and at risk of violence // The Conversation*. 2019. URL: <https://theconversation.com/young-somali-men-growing-up-in-the-west-left-alienated-and-at-risk-of-violence-106664>.

18. *Parker T., Sitter N. The Four Horsemen of Terrorism: It's Not Waves, It's Strains // Terrorism and Political Violence*. 2016. Vol. 28. Pp. 197–216. DOI: 10.1080/09546553.2015.1112277. URL: <https://doi.org/10.1080/09546553.2015.1112277>.

19. *Savells J. Juvenile Delinquency in Japan // International Journal of Adolescence and Youth*. 1991. Vol. 3. Pp. 129–135. DOI: 10.1080/02673843.1991.9747698. URL: <https://doi.org/10.1080/02673843.1991.9747698>.

20. *Weert A. van de, Eijkman Q. A. M. Subjectivity in detection of radicalization and violent extremism: a youth worker's perspective // Behavioral Sciences of Terrorism and Political Aggression*. 2018. DOI: 10.1080/19434472.2018.1457069. URL: <https://doi.org/10.1080/19434472.2018.1457069>.

21. *Wilner A.S., Dubouloz C.-J. Homegrown terrorism and transformative learning: an interdisciplinary approach to understanding radicalization // Global Change, Peace and Security*. 2010. Vol. 22, Issue 1. Pp. 33–51. DOI: 10.1080/14781150903487956. URL: <https://doi.org/10.1080/14781150903487956>.

Young S, Greer B, Church R. Juvenile delinquency, welfare, justice and therapeutic interventions: a global perspective // BJPsych Bulletin. 2017. Issue 41(1). Pp. 21–29. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5288089> (дата обращения: 15.02.2019).